

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

вып. IX

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
МУЗЕЙНОГО
ДЕЛА
В СССР

вып. V

МОСКВА
1963

является также обычным. Представители заводов и фирм знакомятся с усовершенствованиями, введенными в интересующих их машинах, а представители иностранных заводов на коллекциях музея знакомятся с машинами, получившими распространение в стране»¹.

По данным «Ежегодника», наиболее частыми посетителями музея являются слушатели общих и специальных сельскохозяйственных учебных заведений Петербурга и его окрестностей. Навещают музей многочисленные экскурсанты иногородних учебных заведений, в числе которых «за отчетный год должны быть отмечены слушатели Московского с.-х. института, Псковского земледельческого училища, учителя Виленского учебного округа и многие другие. По-прежнему музей посещали также команды нижних чинов Петербургского Гарнизона»².

¹ В. И. Строганов. Отдел машин имп. сельскохозяйственного музея. СПб., 1909, стр. 70.

² Ежегодник Главн. управления землеустройства и земледелия за 1911 г. СПб, 1912, стр. XX.

М. А. ДЭВЛЕТ

ОЧЕРК КОМПЛЕКТОВАНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И ЭКСПОНИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ (1877—1917 гг.)

Минусинский музей, основанный в 1877 году по инициативе Н. М. Мартыанова при активном содействии местной общественности, уже в конце XIX в. получил широкую известность. Наиболее ценную часть его коллекций составляли памятники археологии. Видный общественный деятель Сибири Н. М. Ядринцев, посетивший Минусинский музей во второй половине 1880-х годов, писал, что он по богатству археологических коллекций «может считаться первым научным музеем во всей Сибири»¹. В конце века археологическое собрание Минусинского музея получило мировую известность.

История организации и деятельности археологического отдела Минусинского музея представляет определенный научный интерес как для историографии, так и для истории музейного дела.

Минусинский музей расположен в центре Южной Сибири, этой «классической страны доисторических древностей»².

Археологические памятники — эти свидетели прежней жизни — на территории Южной Сибири многочисленны и разнообразны. В минусинских степях рассеяно множество каменных и земляных курганов, одиноко возвышающихся над степью или группирующихся в могильники. В степях можно увидеть каменные

¹ Н. М. Ядринцев. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ. Записки русского археологического об-ва, т. III, СПб., 1887, стр. 16.

² А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества, кн. 8, вып. 2, Омск, 1886—1888, стр. 9.

изваяния людей и животных, на скалах и утесах — «писаницы», рисунки, составляющие иногда целые сцены, являющиеся как бы живописными рассказами древних людей о самих себе, на камнях так называемые «рунические письмена» — тюркоязычные надписи. От минувших эпох до нас дошли разработки старинных рудников и шахт, а также древние оросительные каналы, которые местами настолько хорошо сохранились, что с начала XX в. стали возобновляться земледельческим населением края. Реже встречаются городища, окруженные иногда земляными укреплениями, валами и рвами. На поверхности степи, на прибрежных развеевых дюнах и при земляных работах попадаются древние орудия, оружие, украшения и т. п.

I

Создание археологического собрания Минусинского музея было подготовлено длительным периодом сбора, фиксирования и изучения памятников материальной культуры бассейна Среднего Енисея.

Интерес к археологическим памятникам Южной Сибири проявился уже в XVIII в. Русские переселенцы, узнав о сокровищах, погребенных в курганах, начали разграбление древних могил. Молва о могильном золоте привлекла многих кладоискателей — «курганщиков» и «бугровщиков» (как их называли в те времена), которые, соединяясь в артели, отправлялись на летний промысел в степи. «Подобно тому, как ватагами ходят на соболиный промысел, — писал историк XVIII в., — так и здесь великими партиями собирались, чтобы разделить между собою работу и тем скорее управиться с многими курганами»¹.

Произведения искусства древнего населения, изделия из драгоценных металлов варварски переплавлялись в слитки и продавались за металлолом, в частности, в Красноярске, «этом рынке могильного золота и серебра»².

Вместе с тем к первой четверти XVIII в. относится также начало исследования сибирских древностей. В 1715 году основатель уральских горных заводов Никита Демидов преподнес царице богатую коллекцию «золотых бугровых сибирских вещей», которые легли впоследствии в основу собрания, известного под названием «сибирская коллекция Петра I». Обратив внимание на подарок, Петр I немедленно распорядился о дальнейшем приобретении подобных находок. В 1721 году был издан указ, гласивший: «Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому губернатору, или кому где надлежит, настоящею ценою, и, не переплавливая, присылать в Берг и Мануфактурколлегию»³.

¹ Г. Ф. Миллер. Ежемесячные сочинения за 1764 г., декабрь, стр. 494.

² Н. И. Попов. Общий исторический обзор археологических изысканий в Сибири. Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, т. II, вып. 1 и 2, 1871, стр. 49.

³ ПСЗ, т. VI, № 3738.

С этого времени начинается длительный период сбора и накопления археологических сведений и материалов.

С целью изучения природных богатств Сибири, ее населения, а также памятников старины в Сибирь был направлен датчанин Д. Г. Мессершмидт, энциклопедически образованный человек — натуралист и географ, ориенталист и археолог. В инструкции, составленной для Мессершмидта, Петр отмечал предметы изучения, в частности, древности. Среди пленных шведов, проживавших в Сибири, Мессершмидт нашел себе помощника Ф. И. Страленберга.

Путешествуя в 1721—1722 гг. по Сибири, Мессершмидт и Страленберг побывали в Красноярске, проехали Минусинскую котловину. Страленберг впервые отметил на Енисее «клинья» — каменные тесла и топоры неолитического времени. Во время путешествия по Южной Сибири Мессершмидт в 1722 году впервые раскопал на Среднем Енисее с научной целью курган, желая выяснить «каким образом эти язычники в старину устраивали свои могилы»¹. Он зарисовал и описал наскальные рисунки и каменные изваяния, открыл для науки «рунические письмена» — древнетюркские надписи на Енисее.

Археологическое изучение Сибири продолжила Вторая Камчатская экспедиция 1733—1743 гг., в составе которой находились будущие академики: историк Г. Ф. Миллер и натуралист И. Г. Гмелин. Раскопав в 1739 году несколько курганов в Минусинской котловине и изучив целый ряд археологических памятников, Миллер и Гмелин пришли к выводу, что в ряде могил находятся «медные ножи, кинжалы, стрелы и все то, к чему впрочем железо гораздо удобнее. Итак, народ, похоронивший так своих покойников, может быть, еще не знал употребления железа. Следовательно, сии могилы гораздо старше прочих»². Работы Миллера и Гмелина расширили знания об археологических памятниках Южной Сибири, взгляды их на последовательность развития материальной культуры (каменный, бронзовый, железный века) предвосхитили основные черты современной археологической классификации.

Путешествовавший по Сибири с 1770 по 1774 гг. ученый натуралист П. С. Паллас попутно фиксировал археологические остатки³. В Минусинской котловине он отметил целый ряд памятников, собрал сведения о древностях от бугровщиков, а также сам раскопал несколько курганов.

Участники академических экспедиций XVIII в. путем распросов и личных изысканий собрали значительный археологический материал. Камни с загадочными письменами, грандиозные курга-

¹ Дневник Мессершмидта опубликован В. В. Радловым. Сибирские древности, т. I, вып. 1. Материалы по археологии России (далее МАР) № 3, СПб., 1888, стр. 13 Приложений.

² Цитирую по книге В. В. Радлова «Сибирские древности», т. I, вып. 3, МАР, № 15, СПб. 1894, стр. 121.

³ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1—3. СПб. 1773—1788.

ны, земляные сооружения вызвали немало ученых фантазий и догадок, часто не имевших под собой достаточной научной почвы. Основной заслугой академических экспедиций XVIII в. перед археологической наукой является накопление и систематизация фактов, регистрация памятников древности.

В первой половине XIX в. археологические знания были пополнены и расширены. Появился целый ряд статей, специально посвященных вопросам археологии Сибири. Прежде всего следует отметить работы известного ученого — лингвиста и этнографа Г. И. Спасского, издателя журнала «Сибирский вестник»¹. На страницах этого журнала опубликованы многие материалы о писаницах «рунических надписях», курганах, о каменных изваяниях и «чудских копиях».

В целом археологическое изучение Сибири в первой половине XIX в. не выходило из состояния простого коллекционерства, «сбирательства». Раскопками с целью добычи вещей занимались преимущественно чиновники, представители царской администрации, интерес которых к старинным предметам мало чем отличался от простого любопытства. Их «исследования» носили, как правило, дилетантский характер, нигде зафиксированы не были и для науки погибли.

В связи с общим подъемом исторической науки в период 40—50-х годов происходит выделение специальных отраслей исторических знаний: археологии, этнографии, археографии. Археология с середины XIX в. получает самостоятельное значение и развитие, хотя раскопки все еще носят случайный, эпизодический характер. В 1845—1848 гг. изучением писаниц и древних надписей, а также раскопками курганов в Минусинской котловине занимался финский ученый лингвист М. А. Кастрен, искавший прародину финнов на Енисее. Однако преждевременная смерть исследователя повлекла за собой гибель значительной части собранных им ценнейших материалов.

Со второй половины XIX в. начал проявляться интерес к археологическим исследованиям со стороны местных научных сил, чему способствовало открытие в 1851 году Сибирского отдела Русского географического общества.

В 1863 году широкие по тому времени раскопочные работы в Минусинском округе производил учитель немецкого языка Барнаульского училища, будущий академик В. В. Радлов, вскрывший до 100 могил. Результаты своих раскопок Радлов начал публиковать значительно позже — двадцать лет спустя — в 1884 году в книге «Aus Sibirien»².

В 70-х годах появился ряд обобщающих работ учителя Иркутской гимназии Н. И. Попова. Обладая большой эрудицией и тру-

долюбием, Н. И. Попов в своих работах подвел итог всем прежним исследованиям¹. Он не производил самостоятельных раскопок и основывал свои исследования на литературных материалах. Изучать подлинные вещественные памятники материальной культуры прошлого Южной Сибири Попов не имел возможности из-за отсутствия местного центра их сосредоточения. Археологические коллекции, сохранившиеся для науки, были распылены по столичным музеям и частным коллекциям.

Процесс накопления археологических коллекций шел параллельно с археологическим изучением Южной Сибири. Еще академические экспедиции собирали коллекции по различным отраслям знаний, в частности, по археологии. Некоторые из этих коллекций поступили в музеи Академии наук.

Посещавшие Сибирь вслед за академиками русские и иностранные ученые составляли частные коллекции древностей. Как отмечалось в одной из статей, «...платя за сибирское хлебосольство бесспорно важными научными исследованиями, заезжие ученые увозили с собой все, что удалось добыть. Не важен увоз коллекций животных, растений и даже минералов, — на долю самой Сибири всего этого осталось довольно. Но предметы ископаемые, например, остатки мамонта, носорога и пр., остатки доисторического человека, древние монеты, рукописи и многие другие памятники старины — все такие предметы, вывезенные русскими и иностранцами, составляют невознаградимую и тяжелую потерю, которая отзовется на будущем развитии сибирской науки»².

Если в XVIII в. собрания сибирских древностей сосредоточивались преимущественно в столичных городах — Москве и Петербурге, то с начала XIX в. коллекционирование стало распространяться вширь, им заинтересовались местные золотопромышленники и чиновники, представители русской администрации. Составляя частные коллекции, они смотрели на памятники археологии как

¹ Н. И. Попов. Общий исторический обзор археологических изысканий в Сибири. «Известия Сибирского отдела Русского Географического общества» (далее ИСОРГО), т. II, № 1 и 2. Иркутск, 1871.

О каменных бабах Минусинского края. ИСОРГО, т. II, № 4. Иркутск, 1872.

О писаницах Минусинского края. ИСОРГО, т. III, № 4. Иркутск, 1872.

О чудских городках и чудских копиях в Минусинском крае. ИСОРГО, т. IV, № 1 и № 3. Иркутск, 1873.

О рунических письменах в Минусинском крае. ИСОРГО, т. V, № 2. Иркутск, 1874.

О памятниках Тангутского и Монгольского письма в Минусинском крае. ИСОРГО, т. V, № 3—4. Иркутск, 1875.

Общий взгляд на писаницы Минусинского края. ИСОРГО, т. VI, № 5—6. Иркутск, 1875; т. VII, № 1—2. Иркутск, 1876.

О чудских могилах Минусинского края. ИСОРГО, т. VII, №№ 2—3, 4—5. Иркутск, 1876; т. VIII, №№ 1—2, 3—4. Иркутск, 1877.

Об орудиях каменного века на севере и востоке Сибири. Известия Восточно-Сибирского отдела РГО (далее ИВСОРГО), т. IX, № 1—2. Иркутск, 1878.

² М. Богданов. Несколько слов о деятельности сибирских ученых учреждений. «Восточное обозрение», 1883, № 12, стр. 9.

¹ «Сибирский вестник». СПб. 1818—1824.

² W. Radloff. Aus Sibirien. (Lose Blätter aus Tagebuch); Bd. 1—2. Leipzig, 1893.

на диковинки и курьезы. Собирались главным образом эффектные металлические предметы, вызывавшие удивление и украшавшие кабинеты любителей древностей. Не понимая научной ценности собранных коллекций, владельцы дарили, продавали, передавали их по наследству. Постепенно предметы расходились по рукам, терялись, окончательно пропадая для науки. О коллекциях древностей известных собирателей первой половины и середины XIX в. енисейского губернатора А. П. Степанова, этнографа графа Н. А. Кострова, чиновников Л. Ф. Титова, И. Александрова мы знаем лишь по воспоминаниям современников, так как после смерти собирателей уже в третьей четверти XIX в. следы этих коллекций были утеряны.

Наибольшей известностью среди собраний любителей древностей первой половины XIX в. пользовалась коллекция А. П. Степанова. Используя положение губернатора, А. П. Степанов производил раскопки курганов близ Красноярска. По его же указанию, местные чиновники приобретали древности, находимые в Минусинском округе, и отсылали их в Красноярск. В книге «Енисейская губерния»¹ Степанов упоминает, что одних только бронзовых зеркал в его коллекции было свыше 20. По описанию Эрмана, видевшего эту коллекцию, она представляла значительный интерес². После смерти губернатора коллекция была потеряна из виду и исчезла бесследно.

Такая же печальная участь постигла коллекцию древностей управляющего отделом Государственного банка в Красноярске Ивана Александрова. Занимаясь на досуге раскопкой курганов, Александров составил значительную коллекцию древностей. Однако коллекция эта впоследствии вместе со всем имуществом управляющего была продана за долги. В 80-х годах, по свидетельству Н. М. Ядринцева, археологу И. Т. Савенкову удалось разыскать из коллекции Александрова всего только один череп человека с печатью полицейского участка³.

Начиная с середины XIX в., Сибирь вступила на путь капиталистического развития. После реформы 1861 года в южные лесостепные районы Сибири хлынула волна русских переселенцев, начавших обрабатывать веками пустовавшую землю, строить дома, рыть погреба и колодцы. Из земли выпаживались, выкапывались многочисленные археологические памятники. Часть из них крестьяне использовали в домашнем быту. Известно, что в селе Шушь, например, один камень с руническими письменами служил

порогом в волостном правлении, а другой — точилом для сторожа. «Ему и подобным консерваторам, — едко замечает Н. М. Ядринцев, — наука обязана тем, что избавилась от труда разбирать письма на одной из сторон камня, да частью и на остальных трех гранях»¹. Часть медных и бронзовых предметов крестьяне переливали на самовары, колокольчики и разные поделки. В одну из местных церквей минусинский зажиточный прихожанин пожертвовал более 200 килограммов мелких «чудских» медных и бронзовых вещей, которые были перелиты на колокола². Часть древних предметов крестьяне хранили в качестве семейных амулетов, передавая по наследству, часть продавали мелким бродячим торговцам, скупщикам, которые, в свою очередь, сбывали их любителям древностей. «Коллекции местных древностей, имеющих в разных ученых учреждениях и в руках частных лиц, образовались в большинстве случаев покупкой таких случайных находок у крестьян и инородцев, а не раскопками курганов», — отмечал Д. А. Клеменц³.

Со второй половины XIX в. из местных сибирских любителей старины выделяется ряд коллекционеров, обладавших знаниями и любовью к делу, тщательно и целеустремленно пополнявших свои собрания, вошедшие в конечном итоге в состав фондов местных и центральных музеев. Благодаря их деятельности наметился переход от простого коллекционирования древностей к выявлению археологических памятников и их изучению. Некоторые коллекции были составлены в результате полевых исследований.

Такова коллекция известного тюрколога В. В. Радлова, путешествовавшего, как упоминалось ранее, по поручению Археологической комиссии в 1862—1866 гг. по Южной Сибири и производившего в 1863 году раскопки курганов в Абаканской степи. Коллекция была доставлена в Археологическую комиссию и впоследствии была передана в Московский публичный музей⁴, ныне она находится в собрании Государственного Эрмитажа⁵ и Государственного исторического музея.

В конце 70-х — начале 80-х годов начали собирать коллекции древностей будущие известные археологи Сибири: преподаватель Красноярской учительской семинарии И. Т. Савенков, золотопромышленник И. П. Кузнецов, редактор «Сибирской газеты» акцизный чиновник А. В. Адрианов.

¹ Н. М. Ядринцев. Древние памятники и письмена в Сибири. Литературный сборник. Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885, стр. 460.

² Н. В. Латкин. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892, стр. 377.

³ Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 48.

⁴ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. 1, вып. 1. «Материалы по археологии России», № 3. СПб., 1888, стр. II.

⁵ Гос. Эрмитаж. Отдел истории первобытной культуры. Отделение Сибири. Коллекция № 1123.

¹ А. П. Степанов. «Енисейская губерния». СПб, 1835.

² A. Erman. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Océane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Ausgeführt von Adolf Erman. Berlin, 1838. Abt 1, bd 2, ss. 37—38.

³ Н. М. Ядринцев. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ. Записки, РАО, т. III, СПб., 1887, стр. 16.

Самым обширным и полным из частных археологических собраний, по свидетельству современников, являлась коллекция известного сибирского геолога, горного инженера И. А. Лопатина, всесторонне образованного человека, страстного коллекционера, «который в течение многих лет не щадил трудов и расходов на соби́рание древностей, встречавшихся ему на пути, и заботился о том, чтобы драгоценные предметы эти не погибли для науки»¹. Лопатин начал собирать свою коллекцию в бассейне Среднего Енисея с 60-х годов прошлого столетия во время своих поездок по округу. Как сообщил Лопатин иркутскому археологу Н. Попову, в 1874 году коллекция насчитывала до 300 каменных, 600 бронзовых и медных, 100 железных предметов². И. Т. Савенков, осматривавший археологическое собрание И. А. Лопатина в 1884 году, в письме к Н. М. Мартыанову писал, что коллекция Лопатина значительно возросла за последние 7—8 лет. Одних только медных и бронзовых изделий в ней насчитывалось свыше 50 пудов³. И. А. Лопатин хорошо владел методикой коллекционирования, свои сборы он вел строго научно, снабжая каждый предмет этикеткой, в которой местонахождение предмета было указано со «скрупулезной точностью»⁴. Лопатин был хорошо знаком с археологической литературой и поддерживал тесные связи с археологами, так что уже в середине 1880-х годов «по своей долголетней практике в погоне за древностями он был признан «первым авторитетом»⁵.

Печатных работ по археологии Сибири Лопатин не оставил, однако его огромная коллекция, оценивавшаяся в 1886 году в десять тысяч рублей⁶, легла в основу труда В. В. Радлова «Сибирские древности»⁷. Ныне собрание И. А. Лопатина хранится в Государственном Эрмитаже⁸ и в Государственном историческом музее⁹.

Отмечая заслуги частного собирательства 1860—1880-х годов перед археологической наукой, не следует забывать, что оно носило преимущественно любительский характер. Даже наиболее серьезные коллекционеры, знатоки древностей, такие как И. А. Лопатин, оставались по существу вещеведами, недооценивавшими

¹ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. 1, вып. 1, МАР № 3. СПб., 1888, стр. IV.

² Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 4.

³ Письмо И. Т. Савенкова Н. М. Мартыанову от 17/VII 1884 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 24, стр. 56.

⁴ И. Т. Савенков. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. ИВСОРО. 1886, т. 17, № 3—4, стр. 83.

⁵ Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея, Томск. 1886, стр. 58.

⁶ «Сибирская газета», 1886, № 44, стр. 1252.

⁷ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. 1—2. МАР №№ 3, 5, 15, 27. СПб., 1888—1902.

⁸ Гос. Эрмитаж. Отдел истории первобытной культуры. Отделение Сибири. Коллекция № 5531.

⁹ ГИМ. Коллекция № 47068.

значение археологических материалов как источников для изучения далекого прошлого.

Вещеведческий подход к предметам старины, отсутствие сознания научной связи археологии с историей привели к хищническому отношению к древним курганам и гибели многих памятников материальной культуры.

Со второй половины XIX в. в южных степях Европейской России раскапываются большие курганы скифского времени, давшие блестящие образцы античного ювелирного искусства. В 1863 году известным историком и археологом Забелиным был раскопан богатейший из скифских курганов Чертомлык на Нижнем Днепре. Вспомнили и о сокровищах, когда-то добываемых в сибирских курганах. В том же 1863 году в статье «Слово о сибирских курганах» секретарь Тобольского статистического комитета К. Голодников, расписав в преувеличенно ярких красках находки курганщиков XVII—XVIII вв., говорил: «Вот какие сокровища хранятся в наших курганах, которые мы так равнодушно попираем ногами... Итак, после всего высказанного, неужели в наше время не найдется предприимчивого охотника, который решил бы порыться в этих волшебных сокровищах. Если не из любви к науке, то по крайней мере в видах интереса, почему бы кому-нибудь из наших капиталистов не уделить малой толики от своих прибытков на раскопку подобных курганов»¹. И такие предприимчивые охотники нашлись, особенно в среде русских администраторов, чиновников. Их целью была добыча вещей, а наиболее легким способом к достижению этой цели были варварские повальные раскопки. «Доселе администраторы, любители науки прибегали к посредству местной земской полиции, причем исправники копали, где хотели, действовали с плеча, доставляли орудия и вещи неизвестно откуда, могилы разрывались, расхищались и бросались. Такая «полицейская археология» скорее вредила всем последующим ученым работам, а показания и описания, проникнутые невежеством, не заслуживали никакого доверия»², — писала газета «Восточное обозрение». «Нам писали недавно, — продолжал автор (по всей вероятности, Н. М. Ядринцев), — что кто-то, возгоревшись внезапно любовью к редкостям и ничего не имея общего с деятелями научными, распорядился производить раскопки, самовольно посылая арестантов»³. При подобных раскопках не могла создаваться картина археологического памятника как сложного комплекса различных элементов, так как в земле стремились отыскать лишь древние вещи, преимущественно наиболее редкие и ценные без учета условий их залегания. Такие горе-исследователи даже в том

¹ К. Голодников. Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы. «Тобольские губернские ведомости», 1863, № 48, стр. 424.

² Научные известия об исследованиях в Сибири. «Восточное обозрение», 1882, № 33, стр. 5.

³ Там же.

случае, если они и не ставили целей наживы, не имея научной подготовки, «не подозревая того сами, ведут дело хищников, бесцеремонно уничтожая драгоценный материал по истории древнего человека»¹.

Подобного рода «исследования» высмеяны в фельетоне «Сибирская археология», помещенном в газете «Восточное обозрение». «Когда одно время в Сибири процветала любовь к наукам (а такое время было), то один чиновник «необыкновенных поручений» и выпренных вдохновений был осенен мыслью открыть каменный век в Сибири. В Сибири научные изыскания делаются крайне просто. Нужно ли коллекцию для выставки составить, минерал разрыть, древности описать, достаточно дать предписание исправнику, все будет сделано. Каменный век было поручено открыть Т-скому исправнику. В два-три месяца он оказывается, обшарив весь округ, сделав обыски у всех крестьян, прислал целый ящик каменных топоров, пестов и бог знает чего. Каменные орудия среди присланных всевозможных камней были несомненно, но вот беда, ни на одном не было указано, где они добыты. Так это и осталось тайной исправника»².

Скупка древностей производилась не только на рассматриваемой территории, но и по всей Сибири.

Один из примеров собирания древностей в Забайкалье приведен в статье И. И. Михалкина. Купец Голдобин разослал по всем кабакам объявление о том, что за старинные вещи — топоры, ножи, посуду, оружие и т. д. каменные, бронзовые, железные, серебряные и золотые — будут платить водкой от шкалика до штофа и больше в зависимости от ценности вещи, определяемой на глаз кабатчиком³.

Как на наиболее характерного представителя посредников по продаже древностей на Среднем Енисее можно указать на И. П. Товостина, прибывшего в Минусинский округ в конце 1870-х годов. И. П. Товостину как меднику-литейщику крестьяне приносили для переливки курганные бронзовые вещи, которые он первоначально собирал для перепродажи коллекционеру И. П. Кузнецову. Через два года Товостин сам стал собирать древности и сбывать их различным лицам и учреждениям. Затем он начал ездить по округу для покупки древних предметов. По дороге он договаривался с бродячими торговцами, превращая их в своих агентов. Он распространял печатные проспекты, в которых уведомлял крестьян, что покупает древности. Товостин скупал у крестьян археологические предметы по дешевке — от 10 до 50 ко-

пеек за штуку, а перепродавал собирателям «курганных вещей», требуя от 15 до 20 рублей за бронзовые кинжалы, ножи и т. п. Туристы, чиновники, офицеры, покупавшие древности у Товостина, использовали эти вещи в качестве ножей для разрезания книг, как украшения и т. п.¹.

Таким же, как Товостин, предприимчивым дельцом, собиравшим коллекцию с целью наживы, явился некий англичанин Бойлинг, проживавший в Енисейске. Его коллекция Минусинских древностей, собиравшаяся в течение нескольких лет, состояла из 799 металлических, костяных и каменных предметов. Бойлинг оценивал ее в 1886 году в 2,5 тыс. рублей², когда же на следующий год нашелся покупатель некий господин Сюливан, желавший вывезти коллекцию в Англию, Бойлинг запросил 3 тысячи рублей. На страницах газеты «Сибирский вестник» сохранилось описание того, как эти два иностранца торговались об окончательной цене собрания сибирских древностей³.

Другой англичанин, Генри Сибом, совершивший в 1877 году путешествие по Сибири, вывез с собой «коллекцию бронзовых и медных кельтов и иных орудий из древних могил между Красноярском и Минусинском»⁴. Часть вещей из коллекции Сибом издал в качестве заставок в книге «Siberia in Asia», где «рисунки бронзовых изделий даны лишь для украшения книги, но, согласитесь, — писал один из современников, — самые изделия пропали навсегда для исследователей сибирской старины»⁵.

Достижения в области изучения далекого прошлого, распространение частного коллекционирования вширь, обилие древностей в собраниях краеведов-любителей создали предпосылки к организации археологических отделов в музеях местного края. Назрела потребность в создании местного центра, который бы собрал и сохранил древности от гибели в горнах плавильных печей и в пыли кабинетов невежественных любителей. Одним из таких учреждений явился первый местный общественный музей Южной Сибири — Минусинский, основанный в 1877 году провизором городской аптеки Николаем Михайловичем Мартьяновым.

II

Возникновение местных музеев в России было вызвано бурным развитием капитализма в пореформенную эпоху и связанной с этим развитием потребностью во всестороннем изучении природных богатств страны, ее экономики и истории.

¹ А. М. Tallgren. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques des Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Helsingfors. 1917, p. 2.

² Н. М. Ядринцев. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ. Записки РАО, т. III. СПб, 1887, стр. 16.

³ Б. п. Сибирская летопись. «Сибирский вестник», 1888, № 3, стр. 2.

⁴ H. Seebom. Siberia in Asia. London. 1882, p. 250.

⁵ М. Богданов. Несколько слов о деятельности сибирских ученых учреждений. «Восточное обозрение», 1883, № 12, стр. 9.

¹ А. В. Адрианов. Курганогрфия Сибири. «Сибирская газета», 1884, № 29, стр. 734.

² Добродушный сибиряк. Сибирская археология. «Восточное обозрение», 1883, № 12, стр. 12—13.

³ И. И. Михалкин. А. К. Кузнецов как археолог. Сб. памяти Кузнецова. Чита, 1929, стр. 58.

Большую роль в организации музеев сыграло общественное просветительное движение второй половины XIX в.¹

Буржуазные реформы 1860—1870-х годов способствовали оживлению культурной жизни Сибири, пробудили в сибирском обществе стремление к общественной деятельности. Известный исследователь Центральной Азии, писатель-публицист Г. Н. Потанин так характеризует эпоху 70—80-х годов: «Момент был такой — в сибирском обществе назрела жажда общественной и культурной деятельности; этой потребности надо было дать исход»².

Царское правительство, противодействовавшее созданию просветительных учреждений в Сибири, считало музей наиболее «безобидным» учреждением. «Устройству музея, сравнительно с другими культурными замыслами, меньше всего могли угрожать внешние препятствия» (противодействие царской администрации — М. Д.)³. Поэтому именно здесь могли концентрироваться демократические научные силы и проявляться инициатива общественности.

Основатель Минусинского музея Н. М. Мартьянов, страстный натуралист и коллекционер, прибыл в Минусинск в начале 1874 года на должность провизора аптеки доктора А. В. Малинина, движимый идеей организации музея местного края. Энергичный, настойчивый, целеустремленный Н. М. Мартьянов посвятил воплощению идеи основания и развития местного музея всю свою жизнь. С первых же дней пребывания в Минусинске Мартьянов стал совершать поездки по округу и собирать материалы для будущего музея. В лице доктора А. В. Малинина Мартьянов нашел прогрессивно настроенного человека и друга, поощрявшего его коллекторские занятия. «В то время, — вспоминает вице-президент Общества врачей Енисейской губернии В. М. Крутовский, — в Минусинске был один врач — А. В. Малинин и один аптекарь — Н. М. Мартьянов. Когда аптекарь уезжал на экскурсию, то в городе оставался один врач, которому приходилось тогда исполнять также обязанности аптекаря. И вот Малинин объезжает больных, пишет рецепты, а засим едет в аптеку и по своим же рецептам prepares лекарства и выпускает их из аптеки»⁴.

Н. М. Мартьянов с первых же дней пребывания в Минусинске начал знакомить местных жителей с идеей создания музея. Правда, в первое время идея организации музея была настолько нова,

что некоторые минусинцы спрашивали Мартьянова: «Кто этот музей: купец или чиновник»¹.

Однако вскоре Мартьянов сумел сплотить вокруг себя кружок преданных делу сотрудников из среды местной интеллигенции и политических ссыльных. В Минусинске Мартьянов нашел благоприятную почву для научной пропаганды. «Как старинный ссыльный пункт, Минусинск давно уже приобщен к культуре», — писал народоволец И. П. Белоконский, отбывавший ссылку в Минусинске. — «Первыми насадителями ее были еще декабристы, потом поляки 30-х и 60-х годов, наконец, русские государственные преступники»², т. е. русские революционеры, от народовольцев до большевиков. «Между минусинцами, — писал Н. М. Мартьянов одному из своих друзей в апреле 1874 года, — я встретил несколько лиц, которым не чужды интересы науки, а в особенности естествознания. Многие вполне сознают великую задачу естествознания и горячо сочувствуют ей. В этом отношении минусинцы — более прогрессивный народ. На коллекторов они смотрят не как на чудачков, а как на лиц, достойных уважения. Благодаря такому благоприятному обстоятельству я постарался сойтись с некоторыми из этих «естественных естествоиспытателей», предложив им свое содействие и посредство и мы, таким образом, составили общество»³. Н. М. Мартьянову удалось заинтересовать научным коллекционированием широкие круги минусинцев, и на квартиру к нему вскоре стали стекаться всевозможные находки.

Коллекция Мартьянова быстро пополнялась. К концу 1875 года его собрание достигло 2500 единиц. В начале 1876 года часть своих коллекций Мартьянов пожертвовал как наглядное пособие Минусинскому училищу и предложил другим лицам последовать его примеру. Мартьянов выразил надежду, «...что его небольшая коллекция послужит основанием к устройству в Минусинске удовлетворяющего всем требованиям музея, хотя и не в близком будущем»⁴. Выставка коллекций в здании Минусинского училища заинтересовала посетителей, благодаря чему увеличился приток новых поступлений. К концу года уже не оказалось места в помещении училища для все возрастающих коллекций.

10 января 1877 года Н. М. Мартьянов подал заявление в Минусинскую городскую думу с предложением открыть музей, в который он передавал все собранные коллекции. Этот день и принято считать днем основания музея.

Оценивая значение организации Минусинского музея для развития археологической науки, академик В. В. Радлов писал: «Мы

¹ Д. А. Равикович. Из истории организации сибирских музеев в XIX в. Труды НИИ музееведения, вып. 1, М., 1957; Д. А. Равикович. Музеи местного края во второй половине XIX — начале XX в. Очерки истории музейного дела в России, вып. 2, М., 1960.

² Г. Потанин. Н. М. Мартьянов. «Сибирский вестник», 1904, № 282, стр. 2.

³ Там же.

⁴ В. К. «Николай Михайлович Мартьянов». Протоколы и Труды Общества врачей Енисейской губернии за 1904—1905 гг. Красноярск, 1905, стр. 41—42.

¹ Из речи Г. П. Сафьянова на праздновании 25-летнего юбилея Минусинского музея, приведено в статье Ф. Кона «Минусинский музей». «Сибирская жизнь». 1902, № 9, стр. 2.

² И. П. Белоконский. Отрывки из воспоминаний. Жизнь в Минусинске. «Голос минувшего», 1914, № 7, стр. 147.

³ Ф. Я. Кон. Исторический очерк Минусинского музея, стр. 36.

⁴ В. К. «Николай Михайлович Мартьянов». Протоколы и Труды Общества врачей Енисейской губернии за 1904—1905 гг. Красноярск, 1905, стр. 42.

должны считать благоприятным обстоятельством для будущих исследователей древностей сибирских, что первый музей древностей, основанный в Сибири, находится в центре среднего Енисея, в гор. Минусинске... Процветание такого научного учреждения должно быть искренним желанием всякого исследователя сибирских древностей. Местные жители имеют полную возможность сохранить сокровища прошлого быта этого отдаленного края и можно надеяться, что теперь бесповоротно прошли те времена, когда в Сибири древние медные изделия собирались для отливки из них колоколов»¹.

Комплектуя коллекции для будущего музея, Н. М. Мартьянов, по его собственному свидетельству, «...не думал об открытии при нем отдела местных древностей»².

То, что Минусинский музей был основан как музей естественно-исторического профиля, обуславливалось индивидуальными научными интересами основателя музея. По имеющимся сведениям, Мартьянов в первые годы даже продавал древние предметы любителям старины, чтобы на вырученные средства производить естественно-историческое изучение края³. То обстоятельство, что основатель музея «...не придавал особого значения собиранию доисторических древностей, классической страной которых был Минусинский округ», современники отмечали как ошибку⁴. Однако благодаря тому, что Н. М. Мартьянов при комплектовании материалов для музея руководствовался правилом «...брать и составлять всякие коллекции, какие можно»⁵, ошибка была исправлена.

В 1877 году в дар от золотопромышленника П. И. Кузнецова, отца будущего археолога И. П. Кузнецова, в музей поступила небольшая коллекция «местных древностей», а «раз началось положено», Н. М. Мартьянов «...счел своей обязанностью продолжать дело»⁶.

Уже в первом публичном отчете музея за полтора года его существования, прочитанном Н. М. Мартьяновым 31 декабря 1878 года, говорилось по поводу археологических находок: «Минусинский музей, находясь в центре Минусинского округа, может и обязан дать приют этим мелким археологическим находкам и стараться распространять между обитателями Минусинского округа ту мысль, что эти предметы надо беречь, так как они могут

оказаться необходимыми при изучении страны»¹.

К моменту открытия музея в 1877 году археологический отдел был лишь в зачатке. В каталоге, по которому Минусинская городская дума приняла коллекции у Мартьянова, числилось в археологическом отделе всего 35 предметов. По программе 1877 года музей делился на три отдела: естественно-исторический, технический и этнологический, созданный на основе археологических коллекций. Изменение названия археологического отдела на этнологический указывало «...на его назначение в будущем вмещать не одни только древности, но и предметы современных культур» (этнографические материалы — М. Д.)².

В связи с быстрым ростом коллекций музея уже через два года после открытия потребовалось расширить его программу. Согласно программе 1879 года прежний этнологический отдел переименовался в антропологический, «...так как изменившийся состав его требовал более общего названия»³. В антропологическом отделе сосредоточивались как собственно антропологические, так и археологические и этнографические материалы. Согласно программе антропологический отдел «...распадается на две части: одна представляет жителя округа в современном его состоянии, другая в прошедшем»⁴. Программа предусматривала сбор «бытовых предметов, орудий и частей организмов... древних обитателей края», куда были отнесены: 1) черепа и скелеты; 2) собрания древностей из курганов; 3) предметы каменные, медные, серебряные и золотые, железные, чугунные, глиняные и др.; 4) модели чудских печей и др., рисунки и планы курганов и т. п.; 5) каменные бабы, статуи животных и т. п.⁵. В 1879 году в музее имелось 355 древностей и 15 этнографических предметов; «остатки организмов» — антропологические материалы только лишь предусматривалось собирать. Таким образом, программа 1879 года отражала наличный состав музея и содействовала целенаправленному сбору экспонатов.

В 1884 году количество древностей увеличилось на 1882 предмета, достигнув к концу года общей цифры 3581. Такое значительное пополнение собрания древностей позволило в следующем 1885 году выделить археологический отдел в самостоятельный. Особое значение археологических материалов для Минусинского музея отмечал в середине 80-х годов на страницах «Сибирской газеты» неизвестный автор⁶, писавший о том, что общеобразовательный

¹ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. 1, вып. 1. МАР, № 3, СПб, 1888, стр. 4.

² Н. М. Мартьянов. От Комитета Минусинского музея. В книге Д. А. Клеменца «Древности Минусинского музея». Томск, 1886.

³ Н. М. Ядринцев. Частная инициатива в деле общественных учреждений. «Восточное обозрение», 1882, № 18, стр. 2.

⁴ «Сибирская газета», 1886, № 44, стр. 1250.

⁵ Д. А. Клеменц. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни. «Сибирский сборник», вып. II. Иркутск, 1893, стр. 29.

⁶ Н. М. Мартьянов. От Комитета музея. В книге Д. А. Клеменца «Древности Минусинского музея», Томск, 1886.

¹ Ф. Я. Кон. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902 гг.). Казань, 1902, стр. 57.

² А. О. Лукашевич. Десятилетие Минусинского музея. Томск, 1887, стр. 58.

³ Там же.

⁴ Минусинский местный публичный музей. «Тобольские губернские ведомости», 1882, № 16, стр. 12.

⁵ Н. М. Мартьянов. Минусинский местный музей. «Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей», ч. II. СПб; 1879, стр. 42.

⁶ Статья без подписи и без заглавия. «Сибирская газета», 1886, № 44, стр. 1251.

музей с экспозицией по всем отраслям знаний «...может быть устроен во всяком месте и он принесет свою пользу. Несколько иную представляется задача музея, если он находится в районе, который заключает в себе богатый научный материал по какой-либо отрасли знаний, если материал этот вызывает основание специальных коллекций и музеев. В таком случае музей, сосредоточивая новый материал, обогащает науку, дает возможность обоснования различных теорий, позволяет делать выводы, которые входят в обращение готовыми и составляют в жизни то, что мы называем прогрессом... В таких именно условиях находится и Минусинский музей по отношению к предметам доисторической древности... Если только признать за несомненное важность собирания подобного (археологического — М. Д.) материала, то само собою станет понятным, какое преимущество должен отдать Минусинский музей своему археологическому отделу и это так будет в силу вещей, в силу естественного направления и роста музея»¹.

III

Археологическое собрание Минусинского музея формировалось путем покупки древних вещей, даров или, как в то время называли, «пожертвований» от частных лиц и учреждений.

Как отмечалось выше, в первые годы существования музея приток археологического материала был случаен, единственным источником были частные пожертвования. Благодаря стихийному поступлению в музей уникальных древностей выяснилось исключительное значение памятников материальной культуры. Уже через три года после открытия музея, характеризуя в рукописном «Путеводителе по музею» антропологический отдел, Н. М. Мартянов писал, что «коллекции, несмотря на свое недавнее возникновение — так как музей до последнего времени не предпринимал более положительных и серьезных мер к собиранию их, — уже настолько значительны и ценны, что справедливо могут служить в таком виде лучшим украшением музея»².

В дальнейшем Н. М. Мартянов стал выделять из скудного бюджета музея средства на приобретение древностей. В последние годы все большая часть денежных средств музея, предназначенных для пополнения коллекций, направлялась на покупку предметов археологии, так что удельный вес коллекций, поступивших путем пожертвования, резко сократился. К 1902 году они составляли лишь около двух процентов археологических коллекций музея³. Вся экономия в расходовании денежных средств поглощалась приобретением древностей.

¹ Статья без подписи и без заглавия. «Сибирская газета». 1886, № 44, стр. 1251.

² Н. М. Мартянов. Путеводитель по музею. 1880. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 11, стр. 15.

³ Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1902 г. Минусинск, 1903, стр. 24.

Основным источником комплектования археологического собрания музея было приобретение материалов через посредство агентов музея — мелких торговцев. Выработав программу сбора древностей, музей снабжал его, как руководством, перекупщиков, разъезжавших по округу¹. В одном только 1885 году музеем было приобретено у мелкого торговца Н. П. Юхневича «...разных древностей из меди, бронзы, железа, чугуна, камней и кожи всего 256 предметов на 50 рублей»². Через руки того же Юхневича в 1897 году «...прошла большая половина археологического материала, покупку которого он организовал буквально почти в каждом углу округа»³.

Члены Комитета Минусинского музея во время путешествия по служебным и личным делам по округу попутно покупали древности, а также собирали сведения по местной археологии. Такие поездки совершили, например, в 1896 году заведующий музеем Н. М. Мартянов⁴, в 1901 году хранитель музея Н. И. Тропин, который с целью покупки археологических материалов для музея посещал чуть ли не каждую избу⁵.

Большую помощь членам Комитета музея оказывали многочисленные добровольные сотрудники музея, его «ревнители», собиравшие и покупавшие у крестьян по округу «чудские» вещи. Каждый из них, по свидетельству А. О. Лукашевича, увидав где-нибудь в частных руках археологический предмет, употреблял все старания и усилия, чтобы купить его или получить в дар для музея. Если приобрести его не удавалось, то «ревнитель» по крайней мере сообщал заведующему музеем Н. М. Мартянову, где, в чьих руках находится древний предмет. «И уж так или иначе, если только данная вещь не превратилась в домашнюю святыню, с которой обладатель ее ни за что на свете не согласится расстаться, если она не получила в его глазах значения чего-то вроде заветного семейного амулета, передаваемого от отца к сыну (изредка это бывает), — она непременно попадает в музей»⁶.

В музей постоянно поступали письма, в которых «ревнители» сообщали сведения о нахождении археологических предметов в частных руках. Здесь можно привести хотя бы письмо П. Сеницына и С. Веселовского Н. М. Мартянову: «Многоуважаемый Николай Михайлович! На днях найдена золотая чудская вещица в 7 золотников в виде пуговицы с орлиными головами. Вещицу эту приоб-

¹ Н. М. Мартянов. Минусинский публичный местный музей. Каталог и краткое описание. Томск, 1881, стр. 91.

² Ежегодный журнал поступлений в музей и библиотеку в 1885 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 26, стр. 279.

³ Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1897 г. Минусинск, 1898, стр. 26.

⁴ Там же за 1896 г. Минусинск, 1897, стр. 15.

⁵ Там же за 1902 г. Минусинск, 1903, стр. 27.

⁶ А. О. Лукашевич. Десятилетие Минусинского музея. Томск, 1887, стр. 28.

рел Алексей Иванович Чудогашев из Усть-Еси за 3 рубля. Затем также найдена ваза вроде купели, которая находится у Карабинска вблизи Усть-Еси. Не желая, чтобы эти вещи достались в частные руки, а потому долгом поставляем об этом Вас известить»¹.

В первые годы существования музея не придавалось еще значения массовому материалу, ценились лишь «уникаты», вторые, третьи и т. д. экземпляры схожих предметов, так называемые дублиеты, считались в научном отношении малоценными. Но подобные предметы все же приобретались музеем, «...чтобы не отбить охоту у крестьян приносить такие «чуждые вещи», раз они узнали, куда их можно сбывать»². Случалось, что наряду с подлинными археологическими памятниками крестьяне приносили для продажи в музей «мнимые древности», которые по тем же соображениям все же приобретались музеем, а затем уже производилась сортировка купленного.

Успешное пополнение археологических коллекций находилось в тесной связи с возможностью для музея иметь постоянных агентов по приобретению древностей, что, в свою очередь, зависело от денежных средств музея, находившегося до революции постоянно в финансовых тисках. Согласно уставу 1877 года музей содержался городским обществом и составлял его собственность³. Однако городская дума не спешила принять на себя расходы по учреждению и за первые три года существования музея отпустила на его нужды 21 рубль. С 1880 года было ассигновано ежегодно 100 рублей на музей и столько же на библиотеку. Лишь в 1901 году Минусинский музей получил правительственную субсидию в размере 1500 рублей в год. Почти лишенный государственной финансовой поддержки, музей существовал на частные пожертвования. Правда, «...сибирское общество баловало это дорогое детище и не отказывало ему в помощи»⁴. Лучшие люди Сибири, представители прогрессивно настроенной интеллигенции отдавали ему свои знания, симпатии и средства. «Отчеты музея показывают, — писала газета «Восточное обозрение», — что главное содействие музей встречает у людей небогатых и создается он на их грошовые средства»⁵. Частные пожертвования были нерегулярны. «При таких условиях собирание музейного материала носило характер случайности, отсутствие же постоянных средств до крайней степени затрудняло правильное выполнение

задач в настоящем и отдавало судьбу учреждения в будущем всевозможным неблагоприятным случайностям»¹.

«Минусинский музей не мог приобретать золотых и серебряных вещей просто по недостатку средств. Прекрасный золотой браслет спиральной формы, принадлежавший бывшему минусинскому исправнику Баранову, куплен И. А. Лопатиным, а музей должен был довольствоваться латунной моделью с подлинника»². «Сколько пришлось пропустить мимо рук интересных вещей по той причине, что купить не на что»³, — с горечью замечает Н. М. Мартьянов в письме к золотопромышленнику И. М. Сибирякову. Он же отмечал: «При несколько больших средствах можно было вырвать из рук случайных и часто невежественных покупателей большое количество древностей»⁴.

Н. М. Мартьянов принимал меры, чтобы древние предметы, которые музей не в состоянии был приобрести, не попадали в руки к невежественным покупателям, к тому, «...кто другого употребления из древнего золота не способен сделать, как перелить его на кольца»⁵.

В тех случаях, когда в связи с отсутствием средств музей не мог приобретать древности для себя, он выступал в качестве посредника при покупке археологических материалов частными коллекционерами. Так, например, Н. М. Мартьянов оказывал содействие в покупке древних вещей известному коллекционеру И. А. Лопатину. Находясь в Петербурге и за границей, Лопатин вел регулярную переписку с Мартьяновым по поводу приобретения археологических предметов для его собрания. В одном из писем Лопатин обращается с просьбой к Мартьянову покупать для него древностей в год на 200—300 рублей и не упускать случая, «если стоимость предметов немногим будет превышать стоимость золота или серебра»⁶. Среди любителей установились определенные цены на древние предметы, и Мартьянов ревностно следил в тех случаях, когда к тому представлялась возможность, чтобы цены эти не завышались. Так, он обратился с просьбой к коллекционеру И. П. Кузнецову не платить дорого за археологические материалы, чтобы не повышать цены на всем рынке древностей⁷.

¹ Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1900 г. Минусинск, 1901, стр. 2.

² Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 51.

³ Письмо Н. М. Мартьянова И. М. Сибирякову. 1884. Архив Минусинского музея, оп. I, д. 24, стр. 185.

⁴ Н. М. Мартьянов. От Комитета Минусинского музея. в книге Д. А. Клеменца. «Древности Минусинского музея».

⁵ Н. М. Ядринцев. Частная инициатива в деле общественных учреждений. «Восточное обозрение», 1882, № 12, стр. 2.

⁶ Письмо И. А. Лопатина Н. М. Мартьянову от 9/IX 1881 г. Архив Минусинского музея, оп. I, д. 14, стр. 43.

⁷ Письмо И. П. Кузнецова Н. М. Мартьянову от 2/III 1885 г. Архив Минусинского музея, оп. I, д. 26, стр. 46—47.

¹ Письмо П. Синицына и С. Веселовского Н. М. Мартьянову от 3/XII 1899 г. Архив Минусинского музея, оп. I, д. 81, стр. 8.

² А. О. Лукашевич. Десятилетие Минусинского музея. Томск, 1887, стр. 28.

³ Устав Минусинского местного музея цитирую по книге Ф. Я. Кона «Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет». Казань, 1902, стр. 51.

⁴ «Сибирская газета». 1886, № 44, стр. 1251.

⁵ Н. М. Ядринцев. Частная инициатива в деле общественных учреждений. «Восточное обозрение». 1882, № 18, стр. 2.

Дары частных лиц, наряду с покупкой древностей составляли важный источник формирования археологических фондов музея. Путем пожертвований в музей поступали, хотя и не многочисленные, но наиболее высоко ценившиеся, дорогостоящие археологические предметы, сделанные из драгоценных металлов, а также древние художественные изделия.

Круг лиц, способствовавших своими вкладами формированию археологических коллекций музея, был весьма широк. Среди дарителей музея мы видим ученых, политических ссыльных, представителей интеллигенции, учащихся, купцов и чиновников, но также и крестьян таких, как Н. А. Трухин из села Тесинского, Королев из деревни Галактионова, Федоров из села Бейского и представителей коренного населения Н. В. Каркина, И. К. Доможакова, А. Чаптыкова и др.¹

В трогательно примитивном стихотворении «Минусинский музей», помещенном в газете «Сибирская жизнь» в 1898 году, неизвестный поэт, выражая отношение широких слоев населения к музею, писал:

«Не только ученый свой вклад ему дал,
Несла туда лепту сермяга.
В музей часто редкость богач отдавал,
Находку ташил и бедняга»².

Демократический характер Минусинского музея снискал доверие и любовь к нему простого народа, вносящего посильную лепту в дело его строительства. Быстро возросшая популярность музея в широких слоях населения способствовала тому, что не только отдельные древности, но и «значительные находки более развитые крестьяне отдают музею бесплатно»³. В архиве Минусинского музея хранятся письма от крестьян, в которых они сообщают о своих вкладах. Так, крестьянин Сергей Черных, обращаясь к Н. М. Мартьянову, писал: «Как управляющего Минусинским музеем, прошу Вас принять в музей малый подарок от крестьянина села Каратузского Сагайской волости: медный ножик и железные ножницы, найденные во время пахоты (возделывание земли для посева хлеба), если можно с обозначением имени представителя (кто представил в музей)»⁴. Активно содействовал комплектованию археологического фонда Минусинского музея крестьянин села Тесинского Н. А. Трухин, которого Д. А. Клеменц называл «наш Тесинский археолог»⁵.

¹ Ф. Я. Кон. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902 гг.). Казань, 1902, Список жертвователей, стр. 221—254.

² Стихотворение «Минусинский музей», «Сибирская жизнь», 1898, № 172, стр. 3.

³ А. О. Лукашевич. Десятилетие Минусинского музея..., стр. 15.

⁴ Письмо С. Черных Н. М. Мартьянову от 12/XI 1886 г. Архив Минусинского музея, оп. 3, д. 35, стр. 226.

⁵ Письмо Д. А. Клеменца Н. М. Мартьянову от 27/XII 1885 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 26, стр. 273.

Отъезд из Минусинска политических ссыльных, активно работавших в музее, а также смерть управляющего музеем Н. М. Мартьянова повлекли за собой в середине первого десятилетия XX в. упадок музея, в связи с чем поступление древних предметов от частных лиц почти полностью прекратилось. В 1906 году в музей пожертвованием поступил лишь один предмет — «железная древняя шпага из села Курагинского»¹, в 1907 году были пожертвованы только: «...древние чугунные китайские лемех и железный китайский меч из Сойотии»², в 1909 году — каменное орудие и «древний китайский бронзовый календарный знак»³, а в 1913 году «пожертвований» в археологический отдел не было вовсе⁴. Как только музей ослаблял собирательскую деятельность, сразу же поднимали голову скупщики древностей для частных коллекций, подобные Товостину. Например, скупкой археологических вещей занимался купец Сафьянов через посредство Е. Ф. Гушина, впоследствии работавшего в музее⁵. Не случайно расцвет «деятельности» Товостина относится к концу первого — началу второго десятилетия XX в., когда начался упадок Минусинского музея.

Коллекции музея были составлены почти исключительно из подъемного материала, случайных находок. «Очень мало имеется в наших коллекциях предметов, условия нахождения которых можно было бы определить с достаточной точностью», — писал Н. М. Мартьянов⁶.

Преобладающее большинство археологических материалов, поступивших в музей, составляла «минусинская бронза», бронзовые предметы, поражавшие обилием и разнообразием форм: кинжалы, ножи, клевцы, наконечники стрел, удила, бронзовые котлы, зеркала, серьги, перстни и др. Многие из древних вещей украшены в так называемом «зверином стиле». Примитивно-реалистичные или стилизованные, схематические изображения животных, монументальные или полные экспрессии неповторимы по самобытности, красочности и мастерству исполнения. Среди них изображения оленя отдыхающего, положившего голову на спину, или же с подогнутыми ногами несущегося в «летащем галопе», изображения хищников, свернувшихся в клубок, готовящихся к прыжку или борющихся в смертельной схватке. Являясь «случай-

¹ Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1906 г. Канск, 1908, стр. 8.

² Отчет по Минусинскому городскому Мартьяновскому музею и общественной библиотеке за 1907 г. Канск, 1908, стр. 10.

³ Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и общественной библиотеке за 1908—1909 гг. Минусинск, 1910, стр. 12.

⁴ Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею, состоящему под покровительством имп. Академии наук, и общественной библиотеке за 1913 г. Минусинск, 1914, стр. 13.

⁵ Основано на сообщении В. П. Левашевой, за что приношу ей благодарность.

⁶ Письмо Н. М. Мартьянову в РАО от 20/X 1886 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 25, стр. 50.

ными находками», все эти предметы не были датированы. Лишь в советское время ученые установили, что они в основной массе относятся к тагарской культуре VIII—I вв. до н. э.

До революции музей не имел ни средств, ни разрешения на проведение самостоятельных полевых исследований, хотя вопрос о необходимости раскопок ставился еще с первых лет существования музея.

В январе 1880 года преподаватель городского училища Н. И. Попов, сообщая Н. М. Мартьянову о доставке в музей каменного изваяния барана из местности Майдаши, писал: «Да, не худо бы нам подумать о том, как бы зимою мне или Вам добиться от Археологического общества инструкции и от кого-нибудь разрешения на раскопку одного кургана Минусинского округа»¹.

Уже в феврале 1880 года Н. М. Мартьянов направил в Русское археологическое общество письмо, в котором, в частности, говорилось: «Минусинский местный музей, как официальное учреждение, имеет достаточное основание рассчитывать на доверие к нему, быть блюстителем и хранителем древностей, поэтому обращается к Обществу с покорнейшей просьбою снабдить его разрешением и подробною для проведения раскопок инструкцией, выработанною и утвержденною археологическими съездами, при чем обязуется руководствоваться данною ему обязательною инструкцией и по окончании работ представлять Обществу отчеты и журналы, которые будут ведены во время раскопок. Ходатайствуя о разрешении на раскопки, музей желает прежде всего приобрести право вмешательства при тех случайных раскопках, о которых ему будет известно, чтобы и здесь по возможности достигать результатов, соответствующих требованиям правительственной, специальной раскопки с ученой целью; но, может быть, ввиду предстоящей опасности уничтожения курганов и других памятников от размыва берегов разливом рек и логов или от других причин, а также, может быть, по каким-либо особенным соображениям важности ученого интереса, представляется надобность в безотлагательном разрытии и такого кургана, которому не угрожает никакой опасности, то во всех таких случаях музей желал бы иметь также право на раскопки с обязательством строгого исполнения инструкции и затем содержания всех находок в благонадежном, приличном и целесообразном помещении»².

Ходатайство Минусинского музея о получении права на самостоятельные раскопки было рассмотрено на Отделении славяно-русской археологии Русского археологического общества и отклонено. В ответе за подписью действительного члена Общества И. В. Помяловского говорилось, что «Комиссия для сохранения

вещественных памятников еще не получила Высочайшего утверждения, а потому и не может иметь место ходатайство о предоставлении Минусинскому музею наблюдения за целостью древних памятников в Енисейской губернии»¹.

В 1886 г. в «Древностях Минусинского музея» Мартьянов вновь заявляет о необходимости активной охраны археологических памятников, подвергающихся разрушению: «Комитету музея необходимо было бы иметь право на раскопку курганов и городищ. Мы знаем много интересных курганов на берегах рек, которые не сегодня, завтра будут снесены водой; мы знаем, что в восточной части округа, населенной русскими крестьянами, курганы исчезают под пашнями. Не имея права раскопок, мы не можем ничего сделать для сохранения научного материала»².

Добиваясь разрешения на право раскопок, Н. М. Мартьянов заботился не только об охране памятников и пополнении коллекции музея, но и о нуждах экспозиции: «Необходимо бы раскопать в разных местах округа несколько типичных курганов, чтобы представить модели курганов и планы наиболее замечательных могильников»³.

В том же 1886 году Мартьянов обращался к Русскому археологическому обществу, подчеркивая необходимость «...иметь право и средства на раскопку курганов, заботясь не столько о интересах новых открытий, сколько ради сохранения археологических памятников, ради будущих научных исследований...»⁴.

Однако мечта Н. М. Мартьянова о самостоятельных археологических раскопках музея не осуществилась. Из материалов, добытых путем полевых исследований, музей получил лишь небольшую коллекцию из раскопок И. Т. Савенкова на Афонтовой горе, инвентарь из кургана на Тагарском острове, раскопанного для музея А. В. Адриановым на средства, пожертвованные для этой цели, а также сосуды из раскопок, произведенных Адриановым по поручению Археологической комиссии.

Горшки были оставлены в Минусинском музее на временное хранение, а для музея местный гончар делал на гончарном круге «копии», которые были совсем не похожи на древнюю посуду⁵.

А. В. Адрианов, будучи активным сотрудником музея, стремился «...устроить так, чтобы все добытое из раскопок целиком поступило в Минусинский музей»⁶. Однако он вынужден был сда-

¹ Письмо Русского археологического общества Минусинскому музею от 12/XI 1880 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 10.

² Н. М. Мартьянов. От Комитета Минусинского музея. В книге Д. А. Клеменца «Древности Минусинского музея».

³ Письмо Н. М. Мартьянова И. М. Сибирякову, 1884. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 24, стр. 185.

⁴ Письмо Н. М. Мартьянова в РАО от 20/X 1886 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 25, стр. 50.

⁵ Основано на сообщении В. П. Левашевой, за что приношу ей благодарность.

⁶ Письмо А. В. Адрианова Н. М. Мартьянову от 22/III 1886 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 35, стр. 85.

¹ Письмо Н. И. Попова Н. М. Мартьянову от 16/I 1880 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 10, стр. 79.

² Письмо Н. М. Мартьянова в Русское археологическое общество от 23/II 1880 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 10, стр. 88—89.

вать материал из раскопок в Археологическую комиссию, так как работал на ее средства. Даже о том, чтобы оставить в музее материалы из вышеупомянутого кургана, раскопанного для музея, пришлось специально ходатайствовать перед Археологической комиссией¹. Последняя препятствовала получению Минусинским музеем права на раскопки.

Императорская Археологическая комиссия рассматривала Сибирь, как «научную колонию» и своими действиями в отношении к местным музеям, по свидетельству современников, стремилась «парализовать всякую местную инициативу в археологических целях»². «Я встретился недавно с бароном Тизенгаузеном, членом Археологической комиссии и имел с ним продолжительную беседу о провинциальных музеях, — писал из Петербурга Н. М. Мартьянову первый хакасский ученый, лингвист и этнограф, Н. Ф. Катанов, — в разговоре коснулись Ваших изданий. Он, как глубокий знаток археологии, расхваливал их. Но он говорит, что было бы лучше, если бы все предметы древности сосредотачивались в Петербурге, а провинциальные музеи могут довольствоваться снимками и слепками. Против этого возразил Г. Н. Потанин. Он отстаивал свое мнение, что незачем обижать провинциальные музеи и что ведь и Археологическая комиссия может довольствоваться слепками и снимками. После этих слов немец страшно осерчал и сказал: «в таком случае незачем и просить у казны средства на издание своих каталогов (имеется в виду работа Д. А. Клеменца «Древности Минусинского музея» — М. Д.), казна ведь не дойная корова»³.

Н. М. Ядринцев, сделавший в Археологической комиссии доклад об археологических собраниях Минусинского музея, писал Н. М. Мартьянову: «Тизенгаузен жадный делец и против местных музеев, ему хочется все в Эрмитаж. Археологическая комиссия и Бобринский (председатель Археологической комиссии — М. Д.) централисты, но им придется уступить жизненным требованиям»⁴.

IV

Поступившие в музей археологические материалы регистрировались, систематизировались, определялись, изучались. «Музей этот, — писал Н. М. Ядринцев, — замечателен тем, что он не представляет кладовую с беспорядочным собранием предметов, но все они точно классифицированы и находятся в превосходном

порядке. Классификация сделана научная. При музее ведется точный журнал и имеются указания, откуда предметы получены, как и где найдены. Наконец, в журнал вносятся все предшествовавшие находки и раскопки в округе»¹.

При поступлении в музей древности регистрировались в специальных каталогах. Первым звеном системы учета было занесение предмета в общий каталог в порядке поступления с указанием места находки, времени и источника поступления. Древняя вещь получала индивидуальный инвентарный номер, за исключением черепков сосудов и кремневых сколов, найденных в одном месте, которые учитывались под одним номером.

После регистрации археологические памятники разбирали, определяли и записывали в специальные каталоги, соответственно материалу, из которого сделаны вещи. Существовали каталоги каменных, бронзовых, железных и других предметов; распределение предметов по материалу обуславливалось удобством хранения. Недостатком этой системы учета было то, что археологические комплексы, содержащие предметы из разнородных материалов, заносились в разные каталоги, вещи регистрировались как отдельные находки, хранились в разных местах, а с утерей каталога первичных поступлений комплексы разрознивались.

По мере роста археологических материалов, когда древние предметы стали насчитываться тысячами, сотрудники музея перестали справляться с фиксацией поступлений. По свидетельству вице-президента Общества врачей Енисейской губернии В. М. Крутовского, Н. М. Мартьянов в 1896 году в одном из писем писал: «В настоящее время я уже не мечтаю о расширении музея и увеличении его коллекций, а о том, чтобы имеющийся материал дополнить и привести в надлежащий вид. Все свое время, оторванное от работы из-за хлеба, я буду стараться уделить именно на эти работы — о более широкой деятельности я уже перестал мечтать»². «Из этого видно, — писал В. М. Крутовский, — что музей подавил своей массой своего творца»³.

«Концентрируя в себе научные богатства, музей не отказывается от их разработки, причем результаты этого рода его деятельности оказываются в общем правиле высокоценными и в отношении познания края»⁴, — указывал председатель Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического

¹ Н. М. Ядринцев. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ. Записки РАО, т. III. СПб, 1887, стр. 17.

² Из письма Н. М. Мартьянова М. Е. Киборту от 13/IV 1896 г. В. К. «Н. М. Мартьянов». «Протоколы и труды Общества врачей Енисейской губернии за 1904—1905 гг.», вып. 2, Красноярск, 1905, стр. 47.

³ Там же, стр. 48.

⁴ В. Ю. Григорьев. О значении местных музеев вообще и Минусинского в частности. Известия Красноярского подотдела ВСОРГО, т. I, вып. IV. Красноярск, 1902, стр. 7.

¹ Письмо А. В. Адрианова в ИАК от 2/X 1895 г. Архив Ленинградского отделения Института археологии, д. 72, за 1895 г., стр. 14.

² А. О. «Императорская археологическая комиссия и местные музеи». «Русские ведомости». 1895, № 26, стр. 4.

³ Письмо Н. Ф. Катанова Н. М. Мартьянову от 16/IX 1887 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 74, стр. 224.

⁴ Письмо Н. М. Ядринцева Н. М. Мартьянову от 18/XI 1886 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 35, стр. 244.

общества В. Ю. Григорьев. «Все залы музея, весь фактический запас сведений, знаний и наблюдений членов Комитета — отмечается в «Отчете» по музею за 1897 год, — были всегда к услугам всякого человека, ставящего себе целью научное исследование округа в том или ином отношении, — и несомненно, что таким содействием определялось направление исследования, постановка его на более солидном основании»¹.

Научно-просветительский, демократический характер Минусинского музея, отсутствие казенщины и рутинны привлекали в музей многочисленных преданных делу сотрудников, принимавших участие в определении и изучении коллекций. Среди сотрудников, активно содействовавших научной обработке собраний музея, следует особо отметить политических ссыльных. Ф. Я. Кон в своих воспоминаниях писал, что не было ни одного политического ссыльного ни в самом Минусинске, ни в округе, ни даже за пределами Минусинского округа, который бы не был в переписке с Мартьяновым, который бы по тем или иным вопросам не обращался к нему, который бы не получал книг из библиотеки музея². Отношение политических ссыльных к музею выражал Ф. Я. Кон в дни празднования 25-летнего юбилея музея: «Невольные пришельцы с дальнего запада, поработавшие немало для музея, обрабатывая его коллекции, роднятся с ним душой, как с учреждением, давшим им возможность работать в то время, когда они были обречены на бессмысленное существование»³. В адресе Н. М. Мартьянову, прочитанном Ф. Я. Коном от лица политических ссыльных, сотрудничавших в музее, говорилось: «Оторванные от жизни и тех интересов и целей, которые составляли ее содержание, здесь в Минусинске, в Вас и в созданном Вами музее мы нашли частичку того, чего лишились. Вы и музей дали нам возможность продуктивно работать на ниве науки и просвещения, Вы и музей создали благоприятные условия для этой работы»⁴.

Непосредственно в собирании и изучении археологического материала принимали участие политические ссыльные: Д. А. Клеменц, один из основателей общества «Земля и Воля», ученый и писатель, отбывавший с марта 1883 года ссылку в Минусинске; Е. К. Яковлев, высланный за участие в организации «Социально-революционной партии Народного права»; Е. В. Барамзин, социал-демократ, участник «Съезда 17-ти социал-демократов» в с. Ермаковском в 1899 году под руководством В. И. Ленина по поводу «Стедо» экономистов; Ф. Я. Кон, высланный по делу польской социалистической партии «Пролетариат», и др.

¹ Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1897 год. Минусинск, 1898, стр. 4.

² Ф. Я. Кон. За пятьдесят лет. Собрание сочинений, т. 2, М., 1933, стр. 240.

³ К. О. Н. Двадцатипятилетие Минусинского местного музея, «Сибирская жизнь», 1902, № 8, стр. 2. Принадлежность данной статьи перу Ф. Я. Кона устанавливается по его работе «За пятьдесят лет», т. 2, стр. 290.

⁴ Ф. Я. Кон. Минусинский музей. «Сибирская жизнь», 1902, № 19, стр. 2.

Политические ссыльные, «...приложив свои богатые ученые силы, принесли громадную пользу не только музею, как таковому, но, и при посредстве последнего и науке»¹.

В деле изучения древнейшего прошлого Южной Сибири первое место среди упомянутых выше политических ссыльных, сотрудничавших в музее, по праву принадлежит Дмитрию Александровичу Клеменцу, автору «Древностей Минусинского музея»².

В своих воспоминаниях И. П. Белокопский, близко знавший Д. А. Клеменца, так характеризует его: «Этот бывший революционер по природе своей был, в сущности говоря, настоящим ученым, который при европейских условиях, конечно, сделался бы выдающимся профессором, а в России ему, как отзывчивому, впечатлительному человеку, пришлось пройти революционную школу, чтобы вторую половину жизни посвятить тому, к чему у него было призвание»³. «Для учредителя Минусинского музея Мартьянова, — продолжает автор воспоминаний, — Клеменц был неоценимый клад; но и для Дмитрия Александровича Николай Михайлович был тоже дорогой находкой. Если Клеменц вскоре после приезда в Минусинск с головою окунулся в археологию, или «в черепки и разбитые горшки», как иронизировал остроумный Иванчин-Писарев, то Мартьянов употреблял все усилия, чтобы проторить путь к широкой научной деятельности Дмитрия Александровича в этой области»⁴. Оценивая деятельность Д. А. Клеменца в Минусинском музее, Н. М. Мартьянов писал в письме к золотопромышленнику и меценату И. М. Сибирякову: «Вообще в лице Дмитрия Александровича музей приобрел такого ценного работника, что я и не могу выразить Вам всей признательности, какая выпадает от меня на его долю. Будучи знаком с его солидной научной подготовкой, с его преданностью интересам науки, я часто задаюсь мыслью сколько бы он принес пользы музею, если бы наш Комитет мог предложить ему средства для экскурсий, специально приуроченных к нуждам музея? К сожалению, ни мы, ни он не располагали свободными суммами, и музей только случайно может извлекать выгоды из его поездок по поручению того или другого ученого общества»⁵.

Е. В. Барамзин составил описание глиняных сосудов Минусинского музея из курганов, раскопанных А. В. Адриановым, «...иллюстрировав этот каталог 24 рисунками, исполненными карандашом, более типичных форм»⁶. Издание подготавливалось как

¹ И. П. Белокопский. Отрывки из воспоминаний. Жизнь в Минусинске. «Голос минувшего», 1914, № 7, стр. 151.

² Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886.

³ И. П. Белокопский. Отрывки из воспоминаний. Жизнь в Минусинске. «Голос минувшего», 1914, № 12, стр. 146.

⁴ Там же, стр. 146—147.

⁵ Письмо Н. М. Мартьянова И. М. Сибирякову от 20/VI 1886 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 25, стр. 32—33.

⁶ Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1901 г. Красноярск, 1902, стр. 21.

приложение к третьему выпуску описания музея — работе А. В. Адрианова «Погребальная обстановка могил Минусинского края». К сожалению, каталог так и не вышел из печати.

Е. К. Яковлев составил каталог коллекций каменных баб музея, а также производил фотографирование древностей, которые посылались в Археологическую комиссию.

В первичном определении и изучении археологических материалов музея принимала участие местная разночинная интеллигенция: хранитель музея Тропин, горные инженеры Лопатин и Боголюбский, полковник Соколовский, землемер Почекунин и др. Даже находясь за границей, сибиряки не забывали свое любимое учреждение. И. А. Лопатин писал Н. М. Мартьянову из Парижа: «Осматривая сегодня Луврский музей, в галерее, где расположена коллекция маркиза Кампанье, я нашел, что наши минусинские вазы имеют наибольшее сходство с древнейшими греческими глиняными, наши же медные кинжалы — с медными древне-египетскими»¹. Н. М. Ядринцев в письме из Швейцарии писал Мартьянову: «Именно в Берне я думал о Вас и о нашем Минусинском музее. Мысли неслись к Вам при осмотре бернского археологического и этнографического музея, устроенного городом»².

Не имея материальных возможностей для проведения стационарных полевых исследований, Минусинский музей все же был опорным пунктом в деле изучения края, его археологических памятников, и тем самым способствовал росту местных научных кадров. Н. М. Ядринцев, посетивший музей в 1886 году, писал: «Благодаря г. Мартьянову в последнее время около Минусинска начались чаще раскопки могил. Могилы раскапывались г.г. Адриановым, Савенковым, Кузнецовым»³.

Приступая в 1883 году, по совету Мартьянова, к самостоятельным раскопкам в Минусинском округе, краевед-любитель И. П. Кузнецов обратился к основателю музея за помощью в методике раскопок. «Прошу Вас, — писал Кузнецов, — дать мне вроде наставления или инструкцию, которая бы руководила меня во время работ. Если только добытые вещи из курганов могут поступать в мое полное распоряжение, то я намерен собранную наиболее интересную коллекцию принести в дар Минусинскому музею, а остальные вещи во вновь основанный Енисейский музей»⁴.

Д. А. Клеменц в 1888—1890 гг. произвел серьезные полевые исследования «по поручению и на средства» Археологической

¹ Письмо И. А. Лопатина Н. М. Мартьянову от 15/II 1882 г. Париж. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 14, стр. 106.

² Письмо Н. М. Ядринцева Н. М. Мартьянову от 9/IX 1885 г. Берн. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 26, стр. 234.

³ Н. М. Ядринцев. Сведения о Минусинском музее. Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 49, вып. 5, М., 1890, стр. 664.

⁴ Письмо И. П. Кузнецова Н. М. Мартьянову от 2/III 1883 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 17.

комиссии, раскопав Большой Уйбатский курган и группу курганов на Черном Июсе у дер. Чебаки, а также курган у с. Назарово.

Начав путь археолога с раскопок около Минусинска, А. В. Адрианов в последнем десятилетии прошлого века производил значительные по своему размаху систематические полевые исследования на средства Археологической комиссии. Научной базой работ А. В. Адрианова являлся Минусинский музей: А. В. Адрианов постоянно прибегал к помощи Н. М. Мартьянова. Еще в 1884 году он писал основателю музея: «Знаете, Николай Михайлович, какой я промах сделал при раскопках? Я ни в одном кургане не пробовал разрыть землю вне плит, вне ограды могил. Не найдете ли Вы возможности сделать рвы аршина в 1,5 шириной около одной стороны и двух углов на двух-трех курганах»¹.

Археологом И. Т. Савенковым в Минусинском музее «получено было много практических сведений и ценных указаний»², в частности, относительно местонахождения археологических памятников. «Я не знаю, как благодарить Вас, — писал он Мартьянову, — за сообщение о каменном веке на Тубе, я намерен был побывать по дороге к Шуши за Лугавским. Теперь у меня в виду 2 места, я очень рад»³.

В случае, если археологические памятники представляли особый научный интерес или музей испытывал затруднения в их научном определении, они посылались для определения и изучения специалистам. Академику В. В. Радлову высылались эстампажные снимки с «рунических» камней, хранящихся в музее, вошедшие в «Труды Орхонской экспедиции», расшифровка их была опубликована в работе В. В. Радлова «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei»⁴. Н. М. Ядринцеву присылались рисунки древних вещей. К. И. Горощенко опубликовал «Гипсовые погребальные маски» Минусинского музея в Трудах археологического съезда в Риге. Ряд древностей отсылался в Казанский университет для определения ученым Н. Ф. Катанову и Д. В. Айналову. Музей поддерживал тесный контакт с известным синологом Н. С. Поповым, проживавшим в Пекине, который расшифровывал для музея знаки и надписи на предметах китайского происхождения.

В определении и изучении археологических коллекций Минусинского музея принимали участие не только отечественные, но и иностранные специалисты. Шведский ученый ориенталист Ф. Р. Мартин, посетивший музей в 1891 году, издал в Стокгольме альбом художественно исполненных древних бронзовых пред-

¹ Письмо А. В. Адрианова Н. М. Мартьянову от 3/IV 1884 г. Томск. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 24, стр. 133.

² Сообщение И. Т. Савенкова из Отчета ВСОРГО за 1884 г., «Восточное обозрение», 1886, № 6, стр. 12.

³ Письмо И. Т. Савенкова Н. М. Мартьянову от 26/V 1885 г. Красноярск. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 26, стр. 119.

⁴ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, SPb, 1895.

метов музея¹. С целью ознакомления с археологическими коллекциями музея в Минусинск приезжал французский турист археолог барон де-Бай. Финские археологи А. Гейкель, И. Аспелин, Х. Аппельгрэн-Кивало, исследовавшие с 1887—1889 гг. по поручению Финляндского археологического общества долину среднего Енисея, посещали музей, работали в его фондах², попутно делая «существенно важные определения и разъяснения по археологии»³.

Именно деятельность музея вызвала ряд финских археологических экспедиций. Представленные на Шестом археологическом съезде в Одессе рисунки с «рунических» камней, хранящихся в Минусинском музее, обратили внимание профессора И. Р. Аспелина, продолжившего начатые в 40-х годах XIX в. М. А. Кастреном поиски прародины финнов на Енисее. Эти исследования, опиравшиеся на реакционную методологию панфинизма и имевшие целью приписать высокую культуру древних племен эпохи бронзы Южной Сибири предкам финского народа, все же обогатили науку большим фактическим материалом.

Таким образом к определению, изучению археологического материала музея привлекались широкие круги общественности и специалистов как русских, так и зарубежных, работа которых способствовала изучению далекого прошлого края. Однако вопрос об исторических путях народов Южной Сибири удалось решить только советским ученым, вооруженным марксистско-ленинской методологией.

Результаты научно-исследовательской деятельности музея находили отражение в его изданиях.

Впервые сведения об археологических собраниях музея были помещены в «Каталоге и кратком описании музея», составленном Н. М. Мартьяновым и изданном в 1881 году. Н. М. Мартьянов так определял назначение «Каталога»: «Несомненно, что наглядное знакомство с содержанием музея должно принести пользу местному краю: но при большом разнообразии выставки предметов внимание посетителя нередко отвлекается от того, что имеет особенную важность и значение по целям и программе музея. Кроме того, сухой материал далеко не одно и то же, что материал, иллюстрированный пояснениями, которые могли бы заинтересовать даже и то большинство посетителей Минусинского музея, которое неохотно входит в подробности и мало обращает внимания на мелочи. Разумеется, назначение настоящего Каталога состоит преимущественно в том, чтобы человеку, глубже интересующемуся материалом музея для каких-либо заданных себе целей, дать подробный список наличности, по возможности со всеми нужными сведе-

ниями о каждом предмете, находящемся в музее... Кроме того, он послужит некоторым пособием во время экскурсий и кабинетных занятий при изучении Минусинского края»¹.

В каталоге Н. М. Мартьянов сгруппировал материал по назначению и по составу материала. К делению археологических памятников «по материалу» Н. М. Мартьянов подошел не как историк, а как хранитель, т. е. объединял в группы вещи, относящиеся к разным эпохам, руководствуясь лишь соображениями удобства хранения. Не считая свою классификацию археологических материалов законченной, Н. М. Мартьянов в письме в Археологическое общество просил «указать образцы каталогов и подробных описаний древностей, составленных по системе, удовлетворяющей научным требованиям более, чем система, принятая теперь музеем»².

Все предметы описывались в каталоге по рубрикам: форма, вес, размер, место находки. Н. М. Мартьянов, характеризуя коллекции Антропологического отдела, пытался осмыслить описанный в каталоге археологический материал: «Все эти памятники не только говорят нам о том, что жившие здесь в историческое и доисторическое время народы были многочисленны, но указывают и на фазисы умственного развития, которое пережил здесь человек. Благодаря этим свидетелям, мы догадываемся, что он прошел ступени культуры, начиная от первобытного дикаря, не знавшего еще употребления металлов, и варвара медного и бронзового периодов до того состояния развития, когда человек имеет письмо и орошает свои поля искусственными водопроводами»³. Минусинский округ в представлении автора «служил долговременным местом пребывания сменявших одна другую народностей, различных как по происхождению, так и по культуре, с которой они сюда явились»⁴.

Надо сказать, что Минусинский музей, хотя и признавал наличие передвижения народов в древности, не присоединялся ни к одной из миграционистских схем, строившихся в отрыве от археологического материала, а в лице своего сотрудника Д. А. Клеменца даже частично сумел, как увидим ниже, преодолеть ограниченность буржуазного анализа.

Первым серьезным вкладом в археологическую литературу было издание в 1886 году работы Д. А. Клеменца «Древности Минусинского музея». И. П. Белокопский писал в своих воспоминаниях: «Клеменц в Минусинске исполнил большой труд, описав и зарисовав древности Минусинского музея, именно — памятники металлических эпох... Исполняя такую солидную и, с моей точки зрения, сухую работу, Дмитрий Александрович совершенно не походил на

¹ Н. М. Мартьянов. Каталог и краткое описание Минусинского музея. Томск, 1881, стр. 1.

² Письмо Н. М. Мартьянова в РАО от 23/II 1880 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 10, стр. 89.

³ Н. М. Мартьянов. Каталог и краткое описание Минусинского музея, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 89.

¹ F. R. Martin. L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893.

² Письмо Аппельгрена Н. М. Мартьянову от 20/X 1887 г. Омск, Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 74, стр. 214.

³ Ф. Я. Кош. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет. Казань, 1902, стр. 102.

археолога. И кто не видел его за этим трудом собственными глазами, не мог даже догадаться, что он погружен в умершую жизнь отдаленных веков. Клеменц весь был живая жизнь»¹. Составляя каталог, Клеменц преследовал задачу представить археологический материал и те сведения о нем, которые могут быть полезны при рассмотрении местных древностей как для ученых, так и для археологов любителей, не имеющих возможности ознакомиться на месте с Минусинским округом и его памятниками², «показать, что может дать Минусинский округ по части археологии даже при самых скудных материальных средствах и при недостатке научных пособий»³.

Первоначально предполагалось издать археологическое собрание музея полностью, однако средства, которыми располагал Комитет музея для издания каталога, были очень ограничены, так что издать всю археологическую коллекцию не было возможности. «Необходимо было чем-нибудь поступиться. Приняв на себя обязанность подготовки каталога к изданию, мы и решились, — писал Клеменц, — ограничиться на первый случай изданием памятников металлических эпох, так как здесь мы имеем более полный материал и, во всяком случае, эти эпохи представляют более типическую и своеобразную картину местной культуры, чем памятники каменного века»⁴. Работа Д. А. Клеменца состояла из описания материала и атласа рисунков. Текст книги разбивался на две части, первая представляла введение, заключавшее краткий топографический очерк Минусинской котловины, описание археологических памятников этой местности по личным наблюдениям и отчасти по литературным источникам, сведения об истории их изучения, описание новейших для того времени исследований В. В. Радлова, А. В. Адрианова, И. П. Кузнецова — Красноярского. Автор выявляет ареал распространения памятников, подыскивает аналогии им в других географических районах, объясняет их назначение, привлекая данные этнографии и свидетельства древних авторов. В книге приводятся данные химического анализа минусинских бронз; разбираются формы орнаментики, дается описание типов предметов, помещенных в атласе. В заключение делается попытка связать археологический материал с данными китайских летописей и тем самым выяснить, какие древние народы оставили в Минусинской котловине столь многочисленные и разнообразные археологические памятники.

¹ И. П. Белоконский. Отрывки из воспоминаний. Жизнь в Минусинске. «Голос минувшего», 1914, № 12, стр. 147.

² Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886. Предисловие составителя каталога.

³ Письмо Н. М. Мартыанова Русскому археологическому обществу от 20/X 1886 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 25, стр. 50.

⁴ Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886. Предисловие составителя каталога.

Вторая часть работы Д. А. Клеменца «Древности Минусинского музея» содержала систематический каталог металлических предметов с общими данными по каждой группе вещей и детальными измерениями каждого памятника. Древности в каталоге разбивались на девять отделов — предметы из меди и бронзы, из желтой меди, из золота, серебра, из цветных камней, из железа, чугуна и стали. Седьмой отдел составляли глиняные горшки и вазы, восьмой — могильные камни и бабы, последний отдел, девятый — гипсовые погребальные маски. «Мы тщательно избегаем выражений: бронзовый век, железный век, — писал Д. А. Клеменц, — самое поверхностное знакомство с нашими местными памятниками древности указывает, насколько относительно эти термины в приложении к данной местности»¹. Так, например, «...вопрос о каменных орудиях в нашей местности усложняется еще тем, что употребление их продолжалось и в эпоху господства металлических изделий»².

За образец описания музейных коллекций Д. А. Клеменц взял работу «Северные древности Королевского музея в Копенгагене, отобранные и объясненные профессором копенгагенского университета И. Ворсо»³. Датский археолог Ворсо, заложивший основы научной хронологии бронзового и железного веков, являлся учеником и последователем Х. Томсена, который создал учение о трех веках и впервые в истории музейного дела построил в Копенгагенском музее древностей в 1820-х годах экспозицию в соответствии с этим учением.

Д. А. Клеменц в своей работе выступил против буржуазных теорий миграций и заимствований, он считал, что культура железного века в долине верхнего Енисея возникла путем мирного развития, а не нашествием иноземных завоевателей. «Для нас подобное положение — вне всякого сомнения», — писал он. «Как в геологии мы имеем примеры постепенного перехода одной формации в другую, как там встречаем мы ярусы и этажи, которые исследователи тщетно стараются приурочить к той или другой формации, так и здесь мы имеем ряд предметов и материальных памятников доисторического быта, которые стоят на рубеже двух культур»⁴.

Д. А. Клеменц в противовес большинству ученых своего времени видел в древнем населении Минусинской котловины предков енисейских остяков (современных кетов), «...остатки которых до сих пор живут по нижнему Енисею»⁵. В наше время некоторые ис-

¹ Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 62—63.

² Там же, стр. 51.

³ И. Ворсо. Северные древности Королевского музея в Копенгагене, отобранные и объясненные профессором Копенгагенского университета И. Ворсо. СПб., 1861.

⁴ Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 63.

⁵ Там же, стр. 67.

следователи также видят в кетах потомков древнего населения южной Сибири.

Издание «Древностей Минусинского музея» явилось событием в культурной жизни Сибири. Томские издательства соперничали за честь печатать эту книгу. Рукопись работы Д. А. Клеменца была передана в типографию редактируемой А. В. Адриановым «Сибирской газеты», печаталась же она на средства И. П. Кузнецова, тесно связанного с газетой «Сибирский вестник». В письме Н. М. Мартьянову А. В. Адрианов писал: «Видимо, Кузнецов, давая деньги на издание каталога, теперь намерен перетянуть печатание его в типографию Картамышева. А вот я не отдам туда рукописи, ей-богу, как хотите, так и делайте с Кузнецовым. Я вообще желал бы, чтобы типографии Сибири делали что-нибудь путное для Сибири; каталог — первая работа в Сибири в этом роде и вдруг ее перехватит Картамышев с кликой червонных валетов»¹.

Работа Д. А. Клеменца, открывшая для ученого мира археологические богатства Минусинской котловины, была высоко оценена современниками и получила широкий отклик в печати². В отчете музея за 1886 год мы читаем: «Ученый мир еще больше заинтересовался музеем: похвалы чередуются с запросами, благодарности с приношениями. Завязалась оживленная переписка со специалистами науки, учеными обществами и учреждениями»³.

Книга Д. А. Клеменца не потеряла своего источниковедческого значения до настоящего времени, хотя ее выводы в значительной степени устарели.

С 1890 года «...с целью популяризации музейного материала и возможно широкого его обнародования Комитетом музея издавались ежегодные отчеты»⁴, в которых публиковались наблюдения и сведения об археологических памятниках, полученные во время экскурсии членов Комитета музея по округу⁵. В отчетах имеются

¹ Письмо А. В. Адрианова Н. М. Мартьянову от 27/II 1886 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 33, стр. 50.

² Рецензии помещены: «Сибирская газета», 1886, № 44, стр. 1283—1284; 1887, № 6, стр. 218. «Восточное обозрение», 1886, № 46, стр. 61—64; «Исторический вестник», 1887, № 5, стр. 472—474; «Древности», т. XII, вып. 2, 1888, стр. 25—27; «Екатеринбургская неделя», 1886, № 49, стр. 831—833; «Вестник Европы», 1887, январь, литературное обозрение.

³ Отчет по Минусинскому публичному местному музею за 1886 г. «Восточное обозрение», 1887, № 11, стр. 12.

⁴ Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1897 г. Минусинск, 1898, стр. 5.

⁵ Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1890 г. Минусинск, 1891; за 1891 г. Минусинск, 1892; за 1892 г. Минусинск, 1893; за 1893 г. Минусинск, 1894; за 1894 г. Минусинск, 1895; за 1895 г. Красноярск, 1896; за 1896 г. Минусинск, 1897; за 1897 г. Минусинск, 1898; за 1898 г. Минусинск, 1899; за 1899 г. Минусинск, 1900; за 1900 г. Минусинск, 1901; за 1901 г. Красноярск, 1902; за 1902 г. Минусинск, 1903; за 1904 г. Минусинск, 1905.

Отчет по Минусинскому городскому Мартьяновскому музею и общественной библиотеке за 1905 г. Минусинск, 1907; за 1906 г. Канск, 1908; за 1907 г. Канск, 1908.

описания наиболее интересных поступлений за истекший год.

Музей публиковал результаты полевых археологических исследований своих сотрудников. В 1897 году вышла в свет книга И. Т. Савенкова «Каменный век в Минусинском крае»¹.

В отличие от работы Д. А. Клеменца эта книга не базировалась на изучении музейных коллекций, а являлась лишь сводкой памятников каменного века, выявленных И. Т. Савенковым на Среднем Енисее².

В 1902 году была напечатана работа А. В. Адрианова «Погребальная обстановка могил Минусинского края», которая в силу ряда причин была выпущена из печати лишь в 1924 году под названием «Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае»³. В работе публиковались полевые записи 1894—1898 гг. «Заключая в себе описание внешнего устройства курганов и подробности погребальной обстановки могил, — писал А. В. Адрианов, — выборки эти в связи с антропологическими измерениями, дадут наиболее надежный материал для обобщения и выводов лиц, которых будет интересовать курганный период юга Енисейской губернии»⁴.

Сам А. В. Адрианов не ставил перед собой задачи исторического исследования, предоставляя решение загадок прошлого народов Минусинской котловины будущим исследователям.

V

Задачи, стоящие перед музейной экспозицией, и пути их решения были сформулированы еще в 1882 году одним из активных сотрудников музея, популяризатором музейного дела в Сибири, акцизным чиновником А. В. Адриановым на страницах редактируемой им «Сибирской газеты». По мнению автора статьи, «...одним из самых могущественных орудий образования необходимо признать музей». Наряду с удовлетворением практических интересов посетителей в области совершенствования кустарной промышленности, сельского хозяйства и т. п., экспозиция музея должна развивать любознательность и доставлять пищу «для размышления,

Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и общественной библиотеке за 1908—1909 г. Минусинск, 1910; за 1910—1911 г. Минусинск, 1912; за 1912 г. Минусинск, 1913.

Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею, состоящему под покровительством Имп. Академии наук и общественной библиотеке за 1913 г. Минусинск, 1914.

¹ И. Т. Савенков. Каменный век в Минусинском крае. М., 1897.

² В своей основной массе коллекции И. Т. Савенкова поступили в столичные музеи.

³ А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924.

⁴ Там же, стр. 41.

для созерцания в сфере отвлеченной»¹. Такой «отвлеченной сферой» и являются науки о человеке: археология, антропология и этнография. Вещественные материалы этих наук, представленные в экспозиции, знакомят посетителей «с историей человека, с развитием его культуры с самых древних времен, т. е. почти с появления человека в ряду органических существ и до настоящего времени»².

Однако подход к музейному показу истории человека у автора статьи ограничен буржуазными рамками. А. В. Адрианов считает, что подобно тому, как естественно-исторические материалы в экспозиции «сразу и наглядно показывают посетителю музея, какое обилие отдельных видов производится природою, какое между ними разнообразие, указывающее на постоянный прогресс в развитии форм животных и растительных, на постепенное развитие сложных организмов из простейших и несовершенных форм», так и представленные в экспозиции памятники материальной культуры «...могут дать картину, которая представляет ход постепенного развития человека как отдельного организма, как особи животного царства»³.

Буржуазная наука рассматривала историю человека как отдельного вида, изолированно, вне общественно-экономических формаций и в лице своего представителя А. В. Адрианова вслед за шведским археологом Оскаром Монтеллиусом отождествляла законы истории человеческого общества с закономерностями животного мира.

Развитие человеческой культуры, представленной археологическими памятниками, рассматривалось как эволюционный процесс, аналогичный с процессом развития живых существ. Естественно-научная эволюционная теория, получившая распространение в археологии со второй половины XIX в., при всех ее недостатках имела для своего времени прогрессивное значение, так как ставила археологию на стихийно материалистические позиции. Последователи ее и, в частности, А. В. Адрианов, стремились применить эволюционную теорию Ч. Дарвина к изучению истории материальной культуры. Задача археологической музейной экспозиции, по Адрианову, состоит в том, чтобы показать на вещественных памятниках «...как мало человек в первобытном своем состоянии был развит физически, как мало отличался он от животного, ему предшествовавшего, как затем начали дифференцироваться его способности в пользовании различными предметами, необходимыми для прокормления себя и для защиты от врагов, и как начал он совершенствовать эти способности, постепенно пользуясь сначала куском кремня, как орудием, затем обделывая этот кремень в

более совершенное орудие и переходя от него к орудиям из кости, меди, железа и сплавов»¹. Задаче показа в экспозиции истории человека как биологической особи соответствовали методы экспозиционного решения темы. По А. В. Адрианову, в основу экспозиции должен быть положен типологический метод, разработанный Оскаром Монтеллиусом. Согласно ему вещи разделялись на типы, т. е. группы вещей одного и того же назначения, однородных по виду, но отличающихся друг от друга в деталях. Вещи внутри каждого типа располагались в виде сравнительных эволюционных рядов, так называемых серий, в порядке их предполагаемого развития, большей частью по принципу от простого к более сложному. Эволюционные ряды Монтеллиус сравнивал с генеалогическими деревьями. Типологические эволюционные ряды, по Адрианову, должны были свидетельствовать о прогрессе в материальной культуре, о том, что человек перешел от каменных орудий к медным и железным, «...от незамысловатой постройки дольменов..., от простого глиняного горшка грубой формы и отделки, от одежды из волокон крапивы, из звериных шкур ко всему, что так обыкновенно для нас в современной жизни»². Тем самым создавалась картина эволюции типов предметов материальной культуры, развития и усложнения форм.

Типологический метод был для своего времени прогрессивным методом исследования. Как способ первичной классификации древностей по материалу, назначению и форме он применяется до сих пор, являясь существенной частью методики археологического изучения вещей. Однако в представлении самого Монтеллиуса и его последователей типологический метод являлся универсальным методом, якобы открывшим законы развития материальной культуры. Типология рассматривалась как конечная цель исследования. Отождествление законов истории человеческого общества с закономерностями животного царства привело к фетишизации вещей, к мысли о том, что они развиваются по тем же законам, что и животный мир и саморазвиваются независимо от воли человека. Изучение вещи самой по себе, в отрыве от условий ее возникновения превратило археологию в трудах последователей Монтеллиуса в формальное вещеведение. Западноевропейские ученые — ученики Монтеллиуса, отказавшись от прогрессивного в его учении, приняли только его реакционные элементы, в частности в качестве подосновы развития вещей они видели «народный дух», «душу народа», выступая тем самым в качестве теоретиков национализма.

Типологический эволюционный метод являлся основным экспозиционным методом в Минусинском музее, однако созданные буржуазными учеными на его основе идеалистические реакционные теории были чужды музею.

Надо сказать, что для Минусинского музея были характерны

¹ А. В. Адрианов. Минусинский публичный местный музей. «Сибирская газета», 1882, № 10, стр. 1230.

² Там же.

³ Там же.

¹ А. В. Адрианов. Минусинский публичный местный музей. «Сибирская газета», 1882, № 10, стр. 1230.

² Там же.

постоянные поиски в области методов экспозиции, хотя типологический метод являлся ведущим вплоть до коренной перестройки экспозиции согласно решениям Первого музейного съезда в 1930 году.

Археологическая экспозиция Минусинского музея не была застывшей, она постоянно обновлялась, дополнялась. Полная реконструкция в дореволюционный период истории музея производилась четыре раза. Поводом, толчком к коренной перестройке экспозиции являлось, как правило, изменение экспозиционной площади: перевод отдела в другое помещение, переезд музея в новое здание. И обратно — расширение, изменение экспозиционной площади было связано с ростом отдела. Экспозиция претерпевала не только количественные, но и качественные изменения, которые, однако, во многом были связаны не с новыми взглядами на ее задачи, не с эволюцией представлений об историческом процессе, а с расширением и углублением конкретных знаний о местных древностях, с изучением вещей. Научный уровень экспозиции находился в непосредственной зависимости от степени разработанности классификации археологических материалов, от уровня развития науки.

До официального открытия музея его коллекции, в том числе и археологические, помещались в двух шкафах и на стене комнаты в здании приходского училища. После открытия музея в начале 1877 года коллекции были размещены в небольшой комнате «при обстановке, производившей впечатление скорее какого-нибудь склада»¹. Археологические материалы не были классифицированы и выставлялись лишь в качестве образцов «...открыто на простых деревянных полках по стенам, на столиках по углам и на длинном столе посредине комнаты»².

Первая археологическая экспозиция, созданная Н. М. Мартьяновым в 1879 году, просуществовала до 1886 года.

Она размещалась в одной комнате с антропологическими и историческими материалами в здании городского училища на Соборной площади. Археологическая экспозиция привлекала наибольший интерес посетителей³. Мартьянов не имел соответствующей археологической подготовки и не мог в работе над экспозицией опираться на труды специалистов-археологов, так как археология Сибири вообще, бассейна среднего течения Енисея, в частности, находилась еще в зачаточном состоянии.

По словам Н. М. Мартьянова, «не имея возможности дать археологическим коллекциям группировку с более научным характером, как, например, по народностям и времени»⁴, он произвел систематизацию древних вещей в отделе по материалу. Все древности

были разбиты на 4 группы, внутри каждой группы материал делился по типам вещей. В первую группу входили медные и бронзовые предметы, как-то: вазы, ножи, кинжалы, зеркала, топоры, кельты, наконечники стрел, удила, пряжки. Во вторую — железные и чугунные предметы: железные стрелы, удила, стремена, кольчуги, украшения, вооружение русских воинов, чугунные сошники. К третьей группе отнесены каменные, глиняные и костяные предметы: каменные изваяния, которые помещались у входа в музей, каменные орудия, жернова, глиняные сосуды и т. п. В четвертую группу были включены вещи из серебра и золота. Систематизация древностей проводилась по материалу формально, а не в соответствии с прогрессивным принципом деления исторических эпох по материалу орудий труда. Ярким примером тому является третья группа, где одинаково встречаются предметы каменного, бронзового и железного веков.

На каждом предмете был прикреплен ярлычок музея, на котором имелось его название место и дата получения предмета, а также номер общего каталога. Предметы, заслуживающие особого внимания по своей редкости или по каким-либо другим обстоятельствам, обозначались ярлычками на цветной бумаге.

В экспозиции экспонаты размещались на полках, этажерках, столах и тумбочках, в стеклянных шкафах и витринах, в витринах «в виде столов» и под полками. Археологические материалы монтировались «симметрично, в виде фигур», «как это принято при устройстве временных выставок»¹. Древности, расположенные в виде причудливых декоративных фигур, напоминающих орнамент персидского ковра, часто находились в неестественном положении, затрудняющем понимание их назначения. Во главу угла ставилась внешняя красивость, эффектность, симметрия, а не назначение, применение вещи. Это обстоятельство значительно снижало познавательное значение экспозиции. Мартьянов понимал недостатки принятой им классификации древностей и в предисловии к рукописному путеводителю по музею 1880 года писал, что она проведена лишь «в виде временной меры»².

В процессе работы над подготовкой к изданию каталога древностей Минусинского музея Д. А. Клеменц произвел классификацию памятников археологии по происхождению и частично по относительной древности. Эта классификация легла в основу созданной в 1886 году экспозиции, которая размещалась в отдельной небольшой комнате того же здания. При распределении археологического материала на три периода: 1) доисторический, 2) хакасско-китайско-монгольский, 3) новый русский период с XVIII в., — Клеменц принимал во внимание «мнение академика Радлова, изложенное им в статье «Древние аборигены Сибири»; рисунки од-

¹ А. О. Лукашевич. Десятилетие Минусинского музея. Томск, 1887, стр. 60.

² Там же.

³ Н. М. Мартьянов. Каталог и краткое описание Минусинского публичного местного музея. Томск, 1881, стр. 92.

⁴ Там же.

¹ Н. М. Мартьянов. Путеводитель по музею 1880 года. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 11, стр. 2.

² Там же, стр. 16.

народных предметов, встречающихся в других сочинениях; замечания компетентных посетителей музея и сравнение некоторых вещей с однородными образцами из Китая и Монголии, которые имеются в музее и кое у кого из обывателей г. Минусинска»¹.

В «Предисловии составителя каталога» Д. А. Клеменц отмечал, что, не полагаясь на свои сведения в археологии, он не рискнул группировать древности по векам (каменный, медный и железный)². Однако, будучи серьезным вдумчивым исследователем, Д. А. Клеменц все же сделал попытку частично разделить предметы «доисторического периода» по относительной древности.

К орудиям каменного века наряду с древнейшими каменными орудиями были отнесены «черепки глиняной посуды, найденные вместе с каменными орудиями»³.

В доисторический отдел вошли также поделки из меди и бронзы, которые археологами относятся к «медному веку», и некоторые предметы из железа и чугуна, по форме, орнаменту и другим особенностям очень похожие, а иногда почти тождественные с подобного же рода изделиями «медного века»⁴. По относительной древности внутри так называемого доисторического отдела не были распределены костяные, глиняные, гипсовые, берестяные и деревянные предметы. В особую тематическую группу были выделены «предметы по металлургии», куда вошли орудия, употребляемые при выплавке металлов, — клещи, формы и т. д., а также шлаки со следами окиси меди и железа. Согласно программе музея доисторический отдел должен был включать также вспомогательные материалы такие, как модели, виды и планы курганов, которые должны были усилить научно-познавательное значение экспозиции, но к 1886 году были собраны лишь акварельные рисунки, изображающие могильники и курганы в окрестностях села Аскызского.

К хакасско-китайско-монгольскому периоду были отнесены охотничьи и рыболовные приспособления, конская сбруя, ремесленные инструменты, сельскохозяйственные орудия, принадлежности курения, домашняя утварь, украшения мужского и женского туалета коренных жителей, бронзовые китайские зеркала, предметы буддийского и шаманского культа.

К русским древностям были отнесены предметы несомненно русского происхождения, но вышедшие уже из употребления, такие как кольчуги, оружие, старинные монеты, медали, печати и т. д.

«При устройстве предметов на стенах имелась в виду симмет-

рия, как это принято на выставках, на щитах»¹. В стеклянных шкафах были выставлены систематически подобранные древности: орудия, оружие, украшения, керамика. На шкафах размещались большие бронзовые котлы и вазы. Карниз был украшен многочисленными железными удилами и наконечниками стрел. Все мелкие предметы были пришиты к картонам и сгруппированы по системе, принятой в каталоге Д. А. Клеменца.

Во дворе музея находились каменные бабы и камни с руническими письменами. Жернова располагались также во дворе под скамейками для посетителей музея.

Численный рост коллекций и недостаток экспозиционной площади привели к тому, что большая часть археологических материалов не могла быть выставлена перед посетителями. Фондовый материал хранился в закрытых шкафах и в нижней глухой половине застекленных шкафов, находившихся в экспозиционном зале. Материал в фондах размещался по тому же принципу, что и в экспозиции. Самые мелкие предметы, как серьги, стрелки, пряжки и т. п. были пришиты к планшетам и помещены в бумажные коробки. Черепки также были размещены в бумажных коробках и сгруппированы по местностям. Фондовые материалы могли демонстрироваться посетителям. «Если посетителя сопровождает заведующий музеем, шкафы отпираются, и более интересные предметы показываются ближе с подробным объяснением»².

В экспозиции 1886—1890 гг. почти не было, как и в предыдущей экспозиции 1879—1886 гг., научно-вспомогательных материалов, помогающих посетителю осмыслить виденное. Так как большинство посетителей музея состояло из неграмотных крестьян, то экспозиция далеко не всегда и не во всех частях ими воспринималась. Поэтому-то в работе А. О. Лукашевича «Десятилетие Минусинского музея» мы читаем: «Шкаф с каменными и костяными орудиями — самыми древними — менее привлекает любопытство осматривающих. На взгляд профана это вовсе не орудия, а какие-то кремешки, осколки. Только присмотревшись пристальнее, приходится согласиться, что это действительно дело рук человеческих, да и добыты эти предметы по большей части из несомненных стоянок доисторического человека, другие же из курганов»³.

Большим методическим достижением Д. А. Клеменца явилось создание единственного в археологической экспозиции Минусинского музея в дореволюционные годы тематического комплекса «Орудия и материалы древнего литья», где были собраны медные руды, принадлежности литья, шлаки и законченные орудия. Отмечая научную и познавательную ценность этого комплекса,

¹ Отчет по Минусинскому публичному местному музею за 1886 год. «Восточное обозрение», 1887, № 13 и 14, стр. 20.

² Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 77.

³ А. О. Лукашевич. Десятилетие Минусинского музея 1877—1887 гг. Томск, 1887, стр. 14.

⁴ Отчет по Минусинскому публичному местному музею за 1886 год. «Восточное обозрение», 1887, № 13 и 14, стр. 20.

¹ Н. М. Ядринцев. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 году для обозрения местных музеев и археологических работ. Записки РАО, т. III, СПб, 1887, стр. 18.

² А. О. Лукашевич. Десятилетие Минусинского музея. Томск, 1887, стр. 33.

³ Там же.

А. Лурье, социал-демократ, отбывавший ссылку в Минусинске, в 1902 году, писал: «Это собрание на первый взгляд совершенно разнородных предметов знакомит вас наглядно с целым производством»¹.

Классификация Д. А. Клеменца явилась значительным шагом вперед по сравнению с предшествующим формальным делением древних вещей в экспозиции «по материалу».

Однако Д. А. Клеменц отнюдь не считал классификацию окончательной, хорошо понимая, что с течением времени, по мере накопления сведений и вещественных источников, благодаря новым достижениям науки она должна исправляться, уточняться. «С особенной признательностью, — писал Д. А. Клеменц, — мы примем всякие указания на наши промахи, недостатки и ошибки, так как очень нуждаемся в подобных поправках»².

В 1890 году музей переехал в новое, специально для него построенное здание, где для археологического отдела была выделена просторная комната с пятью окнами. Здесь была создана третья по счету экспозиция, просуществовавшая до 1902 года. «При выборе предметов для выставки имелось в виду наглядно представить все главнейшие образцы имеющегося в музее археологического материала даже из самых богатых групп, как медные ножи и кинжалы, железные наконечники стрел, удила и т. п.»³. Принципы классификации материалов в этой экспозиции оставались прежние, только экспонируемым древностям был придан еще более декоративный вид. Коллекции располагались в стеклянных шкафах, пристенных витринах, в застекленных этажерках «по возможности симметрично и изящно»⁴, на красном фоне.

Крупные предметы прикреплялись железными крючками, средние и мелкие нашивались на планшеты, оклеенные белой бумагой с печатной надписью: «Древности Минусинского музея» и названием группы, к которой они относятся.

Арки и свободные места стен были использованы для экспонирования крупных предметов. Вдоль сводов и арочных рамок в виде архитектурных украшений развешены поясом железные удила и стремяна; около шкафов на стенах и около оконных ниш в виде каймы располагались наконечники стрел. Стенки оконных ниш были закрыты таблицами и рисунками археологических памятников: писаниц, каменных баб и др. «Украшение комнаты дополняется портретом Ермака с изображающими виды курганов акварельными картинками А. Станкевича в рамках под стеклом»⁵.

Фондовый, так называемый «дублетный» материал хранился в 10 глухих нижних отделениях шкафов и витрин и в подвале.

¹ А. Лурье. Минусинский местный музей. «Землеведение», кн. II—III. М., 1902, стр. 142.

² Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 78.

³ Краткое описание музея. Перечень его коллекций. Приложение к отчету по Минусинскому местному музею за 1890 год. Красноярск, 1891, стр. 18.

⁴ Там же, стр. 17.

⁵ Там же, стр. 18.

В 1902 году Минусинский музей отмечал свое двадцатипятилетие. К юбилейным торжествам была приурочена перестройка экспозиции археологического отдела. Необходимость реэкспозиции вызывалась также и тем, что за 12 лет, прошедших с момента переезда музея в новое здание, собрание древностей возросло более чем в два раза, а помещение, занятое археологическим отделом, не расширялось. Лишь небольшая часть коллекций: керамика, железные стрелы, сбруйные принадлежности и жернова были перенесены в подсобное помещение. Экспозиционный зал, являвшийся одновременно и фондохранилищем, был переполнен, что затрудняло осмотр и представляло неудобство «...в смысле предохранения от похищений»¹. Перестройка экспозиции потребовала громадного труда и заняла все свободное время заведующего музеем². Новая экспозиция была размещена в зале второго этажа. Так называемый «дублетный» материал и такие «...основные коллекции, которые необходимы специалистам, но не представляют интереса для большинства публики»³, были перенесены в чердачное помещение. Фондовый материал размещался по тому же принципу, что и материал в экспозиции.

Классификация древностей Минусинского музея производилась в основном по относительной древности: предметы каменного века, бронзового века; медные и бронзовые предметы переходной эпохи к железному веку; предметы железного века. Памятники, которые не представлялось возможным отнести к той или иной эпохе, классифицировались по материалу: каменные, медные, бронзовые, костяные предметы разных эпох; предметы из жемчуга, бирюзы, сердолика и других цветных камней. Часть древностей выделялась по происхождению: китайские, тюркские, «импортные» предметы, русская древность. Выделялась группа материалов по назначению: земледельческие орудия, посуда, погребальные маски, а также тематический комплекс — материалы и орудия древнего литья. По комплексам из раскопок сгруппирована была лишь ничтожная часть археологического материала, добытого путем полевых исследований.

Все древности были разбиты на группы, «...каждая из этих групп в свою очередь подразделена на меньшие по роду предметов, а эти в свою очередь систематизированы по форме и другим признакам, и такая систематизация доведена до высокой степени дробления»⁴.

Материалы размещались в экспозиции соответственно данной классификации. В большинстве своем древности экспонировались в качестве отдельных образцов, частично же демонстрировали эво-

¹ Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1902 г. Минусинск, 1903, стр. 23.

² Там же.

³ Там же.

⁴ А. Лурье. Минусинский местный музей. «Землеведение», кн. II—III. М., 1902, стр. 140.

люцию форм археологических предметов. Очевидец так описывает экспозицию по эволюции орудий: «Вы видите постепенное развитие режущего орудия, которое из грубого осколка кремня путем последовательных изменений превращается в кривой нож с рукоятью, украшенную орнаментом, вы видите с поразительной ясностью, как камень с одной гладкой поверхностью рядом постепенных изменений превращается в железный утюг с загнутой рукоятью. Вы видите далее изменение стрел и других боевых орудий, развитие орнамента на ножах и кинжалах»¹.

Данная экспозиция, характеризующая эволюцию форм, в наибольшей степени отвечала задачам, поставленным А. В. Адриановым перед Минусинским музеем еще в 1882 году.

После 1902 года в дореволюционный период экспозиция Минусинского музея более не перестраивалась.

Подводя итоги экспозиционной деятельности Минусинского музея, следует подчеркнуть ее тесную связь с развитием археологической науки, а также отметить поиски новых методов экспозиционных решений.

VI

Минусинский музей на базе своей археологической экспозиции проводил научно-просветительную массовую работу.

В 1881 году в городе с четырехтысячным населением музей посетило две тысячи человек², а в 1904 году число посетителей достигало 8—9 тыс.³

«Жители города и уезда толпами ходили по залам музея в дни, когда он бывал открытым для посещения»⁴.

В свободное от работы в аптеке время Мартянов, а также его сотрудники дежурили в музее, давая посетителям пояснения.

Познакомиться с «чудом Сибири», как часто называли Минусинский музей, съезжались не только крестьяне уезда, но и жители многих сибирских городов. Регулярно во время летних каникул в Минусинск приезжали ученики красноярских училищ на экскурсии. Одна из таких экскурсий по археологическому отделу описана в книге Ф. Я. Кона «Исторический очерк Минусинского местного музея»: «Объясняющие коллекции развешивали перед юными слушателями загадочный клубок прежнего развития народов, то указывая в постепенном порядке на предметы, иллюстрирующие эволюцию орудий, то отмечая общность происхождения многих

верований, зарождающая этим в юные головы искорки сознательного отношения к окружающим явлениям»¹.

С момента возникновения Минусинского музея Мартянов мечтал об организации при нем на базе музейных коллекций лектория для народа. С этой целью «Комитет музея, — писал Ф. Я. Кон, — чувствуя себя обязанным по отношению к простому люду, по мере сил и разума оказывавшему ему содействие и преследуя строго образовательные цели, неоднократно хлопотал о разрешении устроить объяснения коллекций хотя бы раз в неделю, но, к сожалению, эти стремления Комитета не увенчались успехом»². В порядке подготовки лектория для народа был создан специальный образовательный отдел, где сосредоточивались коллекции наглядных пособий для лекций. В число этих пособий входили и некоторые археологические материалы: нефритовые изделия, полученные от археолога М. П. Овчинникова из Иркутска, неолитическая керамика от О. Клера из Екатеринбурга и др. Николай Михайлович Мартянов начал чтение лекций, вызвавших большой интерес у слушателей, но вскоре был вынужден прекратить начатое дело, так как царская полиция напала на след переписки, которую политические ссыльные вели с «внешним миром» через его посредство. «И Николаю Михайловичу не только пришлось совершенно оставить мечту о лекциях и объяснительных чтениях по коллекциям музея, но даже подумать о своей собственной безопасности, которую он дорожил не самой по себе, а ради будущности того дела, которому посвятил всю свою жизнь... Пришлось поневоле принять меры против возможности «изъятия из обращения» и нечего было и думать о публичной деятельности в качестве лектора»³.

Современники отмечали Минусинский музей как образец научно-просветительного учреждения, противопоставляя его другим «казенным» хранилищам древностей: «Взгляните хотя бы на Одесский музей древностей и истории, — писал В. Брониславский-Гандельсман, — и сравните его с этим, отдаленным от центров науки музеем. Первый представляет совсем плачевное состояние, почти не посещается публикой, это антикварное хранилище. Минусинский же приятно удивляет своей жизненностью и обилием материала всех попадающих в этот малопосещаемый уголок, где большинство пришельцев предполагает одну сплошную дикость и невежество»⁴.

Научно-просветительная работа музея имела большое значение, она пробудила «...в местной необразованной народной массе интерес к знанию»⁵, «...с учреждением музея в крае появился стой-

¹ А. Лурье. Минусинский местный музей. «Землеведение», кн. II—III. М., 1902, стр. 142.

² Музей, библиотека и кабинет учебных пособий в Минусинске. «Томские губернские ведомости», 1882, № 42, стр. 815.

³ А. В. Адрианов. Очерки Минусинского края. «Сибирский торгово-промышленный календарь», СПб., 1904, стр. 61.

⁴ А. В. Адрианов. Н. М. Мартянов. «Фармацевт». М., 1902, № 8, стр. 227.

¹ Ф. Я. Кон. Исторический очерк Минусинского местного музея, стр. 143.

² Там же, стр. 80.

³ В. К. «Николай Михайлович Мартянов». Протоколы и труды Общества врачей Енисейской губернии за 1904—1905 гг., вып. 2, Красноярск, 1905, стр. 48—49.

⁴ В. Брониславский-Гандельсман. Экскурсии в малопосещаемые края. «Бессарабский вестник», 1891 г. № 626.

⁵ Юбилей Минусинского музея. «Енисей», 1902, № 6, стр. 2.

кий фактор в борьбе с косностью и невежеством, окутывающим население»¹.

Со своими археологическими коллекциями Минусинский музей выступал на выставках: в 1891 году в Красноярске, в 1892 году в Москве, на Международном конгрессе по археологии и доисторической антропологии, в 1896 году на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде и, наконец, на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. На выставках коллекции музея имели неизменный успех и удостоивались почетных дипломов.

Современники высоко оценивали деятельность музея. Г. Н. Потанин считал, что «...заслуги Мартьяновского музея значительны перед ботаникой, геологией, но всего более они ценны перед археологией»².

А. Лурье справедливо отмечал, что на вопрос — каково значение музея? мы должны ответить: прежде всего чисто научное. Музей собрал и сохранил от гибели огромный материал для исследования в разнообразных отношениях настоящего и прошлого края. Он имеет, конечно, и непосредственно практическое значение: его коллекции и познания заведующего музеем к услугам всякого нуждающегося в ответе на известный вопрос; но общий культурный уровень края таков, что эти громадные средства остаются, если не мертвым капиталом, то капиталом, приносящим небольшие проценты. Все его практическое значение в будущем, когда он будет к услугам более культурного населения. Самый музей, конечно, только содействует повышению общего культурного уровня. Но истинное значение музея оценит только тот, кто понимает значение науки для людей и музеев. Минусинский музей является тем классическим базисом, на котором будет основываться всякое дальнейшее изучение края. Его не минует ни один грядущий исследователь и не откажет ему и его основателю в дани благодарности и удивления»³.

Собрав огромный археологический материал, Минусинский музей тем самым создал научную базу для дальнейшего развития науки. Однако до революции археологическое собрание музея лежало в значительной степени мертвым грузом. Лишь советские ученые, вооруженные марксистско-ленинской методологией, превратили знание отдельных археологических фактов в действительное познание древней истории Южной Сибири, заставили «...заговорить языком истории всю массу сибирских древностей»⁴.

¹ А. В. Адрианов. Очерки Минусинского края. Сибирский торгово-промышленный календарь. СПб., 1904, стр. 61.

² Сообщение Потанина. Хроника Сибири. «Сибирская жизнь», 1902, № 29, стр. 2.

³ А. Лурье. Минусинский местный музей. «Землеведение», кн. II—III. М., 1902, стр. 72.

⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 6.

Л. Н. САК

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА

(1883 — 1945 гг.)

Киевский государственный музей западного и восточного искусства, играющий заметную роль в культурной жизни столицы Украины, принадлежит к числу наиболее значительных музеев данного профиля в Советском Союзе. Его коллекции, хотя и не могут численностью поспорить с собраниями западноевропейского и восточного искусства ведущих музеев Москвы и Ленинграда, но тем не менее по своему общему составу представляют большой историко-художественный интерес и включают ряд уникальных произведений.

Многие из экспонатов этого музея уже опубликованы как в отечественной, так и в зарубежной прессе. Вся коллекция в целом неизменно вызывает живой интерес не только специалистов, но и широкой общественности.

Возникновение в Киеве уже в первые годы установления советской власти на Украине музея мирового искусства, столь значительного по составу своих коллекций, не было явлением случайным.

Процесс превращения киевского собрания из частной коллекции в общедоступный музей был одним из звеньев всего музейного строительства на Украине.

Собирание коллекций, на базе которых впоследствии был организован музей западного и восточного искусства в Киеве, было начато задолго до фактического момента его организации. Начало этого собирания может быть отнесено к 1870-м — началу 80-х годов XIX в. Это был тот период, когда в культурной жизни Украины, и в частности такого крупного ее центра, как Киев, создавалась сложная, во многом противоречивая обстановка. Развитие капиталистических отношений в пореформенной России способствовало оживлению промышленной и вместе с тем всей общественной жизни в обширных владениях царской России. Это в большой мере сказалось и на таком богатом крае, как Украина. Вместе с тем усиление социального и национального гнета крайне усложнило развитие украинской культуры этого времени, тормозя культурные начинания местной интеллигенции.